

Земля предков

Автор:

Александр Мазин

Земля предков

Александр Владимирович Мазин

Викинг #6

Девятый век. Ладожское княжество.

До Древней Руси еще сотня лет, однако она уже начинается. И начинается именно здесь, в Ладожском княжестве, куда после трех с лишним лет странствий и битв возвращается родившийся в двадцатом веке и нашедший себя в девятом Ульф Свити, Белый Волк, пришелец из будущего. Он воевал во Франции и в Англии вместе с легендарным Рагнаром Лотброком и его сыновьями. Он побеждал, проигрывал, терял. И вновь возвращал утраченное. У него новое прозвище и старые друзья, готовые умереть за него так же, как и он – за них. Вместе с ними Ульф пришел сюда, в Ладогу, чтобы отыскать своего пропавшего конунга, в гибель которого так и не поверил.

Пришел и тотчас оказался в самом центре схватки за право владеть землей своих предков.

Александр Мазин

Викинг. Земля предков

© Мазин А., 2016

Глава 1

Суд Рагнара

– Ох, сомневаюсь я в этой истории, – пробормотал я, приложившись к ковшу.

Пивко уступало тому, что варила моя прекрасная женушка, но всяко лучше того, что когда-то называлось «Балтикой». Хотя, если по-честному, вкус «того» пива я уже не помнил. Слишком долго я здесь, в Средневековье, чтобы помнить, как оно там – в мире компьютеров, чиновников и телевизионных шоу. В мире, где меня звали Николай Григорьевич Переляк и где был я – уважаемый человек, оружейник и фехтовальщик, достигший своего естественного социального потолка.

Здесь, в Средневековье, я тоже стал уважаемым человеком и успел испробовать многое. От раба до хёвдинга, то есть вождя боевой дружины. Собственно, я и сейчас оставался вождем, вот только дружина у меня была – едва хватит, чтобы заполнить румы моего маленького драккара. Звали меня здесь до недавнего времени – Ульфом Черноголовым. Ульфа я придумал сам, а Черноголовым окрестили братья по палубе. Но в прошлом году один из моих хольдов, берсерк и великий воин Хавгрим Палица, «перекрестил» меня в Ульфа Хвити. Белого Волка. Никто не возражал. Я – тоже. Белый Волк – мой давешний зверь-хранитель, или как это там называется. Не важно. Важно, что, когда он приходит, мы танцуем. И танец этот – лучшее, что я испытывал в жизни. Зато для моих врагов он весьма неприятен.

Что еще добавить?

Здесь у меня есть названный сын. Вот он сидит. Виги-Вихорёк. Я встретил его, когда он был совсем мальчишкой, рабом у франкских монахов. Теперь он – викинг. Дренг. И уважаемого рода. Моего то есть, поскольку я его усыновил по всем здешним правилам.

Еще у меня есть названный брат. Тоже берсерк и сын берсерка, а зовут его Свартхёвди Сваресон, по прозвищу Медвежонок. Медвежонок – брат мой по клятве и по праву родства, поскольку сестра его Гудрун – моя законная жена. Сейчас Медвежонок сидит напротив меня, и шею его, вполне годную, чтобы согнуть лом, разминает сисястая девка-рабыня, которую братец только что употребил по прямому назначению. К обоюдному удовольствию. Свартхёвди любит женщин, и они его – тоже. По здешним понятиям, Медвежонок – красавчик. Нос картошкой, борода лопатой, лапы в татуировках, из-под белесых бровей поблескивают медвежьи глазки профессионального убийцы. Моему братишке не то что палец в рот не клади. Вообще ничего съедобного в его сторону не протягивай. Отхватит по самые ягодицы. Это о нас мой скальд Тьёдар Певец сочинил сагу о Волке и Медведе, от которой меня уже тошнит. Но людям нравится.

Свартхёвди по обряду – мой младший брат. Он сам так решил, хотя здесь, на острове Сёлунд, он не менее уважаемый человек, чем я. Богатый и славный. Я тоже богатый и славный, а многие считают меня еще и удачливым.

Я не спорю. Ведь моя жена – самая красивая женщина Сёлунда (внешнего сходства с братом, к счастью – ни малейшего), и я ее люблю. Последнее не удивительно. Удивительно то, что она меня любит. Полюбила, как утверждает, с первого взгляда, хотя по местным меркам я – не очень. Среди всех этих высоченных плечистых синеглазых блондинов я смотрюсь очень посредственно, ибо росту невысокого и масти черной, за что и получил, кстати, первое прозвище. Однако эти недостатки внешности уходят на второй план, когда у меня в руках клинок. Игре с железом я обучался еще в «прошлой» жизни и достиг немалых успехов, не говоря уже о коллекции престижных кубков и медалей. Но только здесь я достиг настоящего совершенства. Ведь только здесь клинок становится тем, для чего создан: границей между двумя мирами. Миром жизни и миром смерти.

– В какой истории ты сомневаешься? – ворчит Свартхёвди, красный, распаренный, ленивый. – Ты о чем, брат?

– В той, что Сигурд Змей в Глазу рассказал прошлой весной?

– А что он рассказал? – Свартхёвди хорошо. Он всласть попинал мяч, качественно пропарился, всосал литров пять пива, поимел девку (здесь это супружеской изменой не считается) и теперь способен думать только о простом

и приятном.

– Год назад, – напоминаю я. – Помнишь? На пиру у конунга он рассказывал? Как у него драккар пропал...

– Ну-у-у... – бормочет Медвежонок. – Не помню. И что нам до пропавшего драккара Сигурда Рагнарсона?

– Забыл, что ли? Ивар рассказывал. У Сигурда драккар пропал, а жрец в Оденсе ему заявил: мол, боги его забрали.

– А чё такого? – бормочет Медвежонок. Татуированная лапа нащупывает ляжку рабыни и щиплет. Больно. Рабыня пищит, но массажа не прекращает. Рабыне, по-здешнему – тир, положено терпеть. Она принадлежит одному из многочисленных родичей Медвежонка, так что Свартхёвди может делать с ней всё, что пожелает. Хотя если он ее покалечит или убьёт, придется выплатить ущерб. Как за испорченную вещь. Но пока она в полном порядке и востребована. И судя по тому, какие взгляды кидает в ее сторону Вихорёк, одиночество ей в ближайшее время не грозит. Однако пока рабыня занята Медвежонком, Вихорьку ничего не светит. И он это понимает.

– А то, братец, – говорю я, – что на хрена богам драккар Сигурда Рагнарсона?

– Ну-у... – Медвежонок, похоже, собирается задремать. – Драккар небось хорош. У Змееглазого-то. А боги... Кто знает, что им надо? Ты, что ли, знаешь?

– Что надо богам, я не знаю, а вот насчет драккара – догадываюсь! Это Хрёрек, брат! Больше некому.

Здесь я могу говорить свободно. Хозяин и его сын ушли готовить пирушку, а мой названный сынок Виги-Вихорёк попусту болтать не станет. Что же до рабыни, то кто их слушает.

– Думаешь? – Свартхёвди приоткрыл один глаз. – А знаешь, на Хрёрека Сокола это похоже. Если он жив, ясное дело. Хотя... Увести драккар с пристани главного города Сигурда? Нет, не верю, невозможно.

И глаз снова закрылся.

– А я бы проверил.

– А что тут проверять? Вот придут первые корабли из Хедебю, и узнаем.

– Почему из Хедебю? – спросил я.

– А откуда? Там его покровитель Харек, конунг всех данов. Куда ему еще бежать?

– Я не думаю, что Хрёрек пойдет к Хареку Младшему. Один раз Харек уже не смог защитить его от Рагнарсона. Надо быть слепым, чтобы дважды вступить в одно и то же коровье дерьмо. Хрёрек не таков.

– Если ты прав и это Сокол захватил драккар Сигурда, то наш бывший конунг дернул за хвост дракона прямо в его логове, – проворчал Свартхёвди. – Змей в Глазу не успокоится, пока не отомстит. Ты помнишь: он напал на Хрёрека прямо на глазах у данников Харека-конунга. Он напал на того, кто говорил против него на тинге. И новый тинг, как ты знаешь, принял уже сторону Сигурда. И Харек Младший утерся, а это значит: теперь любой Рагнарсон может взять морскую дань с любого из бондов Харека. И никто не посмеет жаловаться. Да и кому?

– Не могу понять, – проговорил я, приложившись к пиву, – почему Харек-конунг позволил всё это?

– А что тут непонятного? – удивился Свартхёвди. – Лучше пусть тебя называют конунгом всех данов, чем врагом Рагнара-конунга. Если бы Рагнар Лотброк пожелал... – Медвежонок с хрустом потянулся и встал. – Он еще до осени занял бы место Харека.

– Так почему же он этого не сделает? – поинтересовался я.

– А зачем ему? Он не хочет быть конунгом всех данов. Он желает стать конунгом Англии, Нортумбрии, Эссекса... И еще каких-то там земель, не помню. И он станет, поверь моему чутью! – Свартхёвди схватил бадейку с ледяной водой и опрокинул на кудлатую голову. – Э-эх! Что-то я проголодался! Эй, куда? – Он

поймал за руку попытавшуюся ускользнуть рабыню и пихнул ее к Вихорьку: – На, сынок, поиграйся.

Ну да, Вихорёк и ему сын. Таковы правила побратимства. И драккаром мы владеем вместе и дружиной-хирдом командуем тоже на пару. Но я все равно главнее. Потому что старший. Так что решать, куда и зачем мы поплывем, тоже мне. Однако мнением Свартхёвди я пренебрегать не стану, и он это знает.

Вот только искать Хрёрека в Хедебю я не буду. Есть у меня мысль о том, где он может быть. И Медвежонок об этом узнает. В свое время.

* * *

В столицу Рагнара Лотброка Роскилле, расположенную внутри прекрасного фьорда не менее прекрасного острова Сёлунд, мы приехали вчетвером. Я, Медвежонок и Вихорёк, еще с нами увязался мой хирдман и по совместительству скальд Тьёдар Певец. Приехали вроде бы по делу: прикупить рабов. Этак с дюжину.

Сейчас, сказала мама моего побратима Рунгерд, – самое время. Содержать зимой не придется, и есть еще месяц, чтобы подкормить трэлей до рабочего состояния. Конечно, стоили рабы весной подороже, чем осенью, когда викинги возвращались с набегов, но по деньгам выходило так на так. Зато если уж раб пережил зиму, значит, и летом не помрет.

Она у нас хозяйственная, Рунгерд. И это хорошо, потому что по совместительству она – мама моего сына Хельгу. Считается, правда, что Хельгу я усыновил... но вообще-то он мой сын и есть. Такая вот у меня личная жизнь насыщенная. Временами. Была.

Покупка трэлей для меня только повод скататься в Рагнарovu столицу. В Роскилле я предполагал заняться сбором информации: поболтаться среди народа, послушать новости, прикинуть планы на лето. А рабами пусть Свартхёвди занимается. Хотя есть у меня подозрение, что и для Медвежонка рабы – только повод. Главное же – выпить-закусить на халяву у многочисленных братьев-дядьев-племянников, которых у него – без числа. Как и у всякого родовитого скандинава, считающего родство до седьмого, а то и десятого

колена.

Однако на рынок мы всё же пошли. На третий день. Причем все вчетвером. Но вместе мы пробыли недолго. Тьёдар потерялся практически сразу. И я знал, где его искать, если что. В кабаке.

Потом разделились и мы. Медвежонок с Вихорьком двинули туда, где торгуют нашими братьями по разуму, а я решил просто прогуляться по городу. На самом рынке сейчас неинтересно. Единственное, что меня по-настоящему интересует, это оружие. Однако всё стоящее в области вооружений давно распродали. Опытные люди закупаются осенью. Хотя и осенью ничего не покупал. Оружия столько, что сам продавать могу.

Так что рынок я покинул и отправился к пристани. На корабли поглядеть...

...И угодил прямо на судебное заседание. По местным меркам это считалось отличным шоу. Особенно если дойдет до судебных поединков.

Хозяин Сёлунда, Сконе и еще многих датских земель конунг Рагнар Лотброк во всей своей грозной красе восседал на троне в окружении страхолюдной гвардии.

«Этажом ниже» теснились жаждущие правосудия.

Меня пропустили в первые ряды без вопросов. Я считался человеком Ивара Бескостного, хотя и не носил на одежде его знака. Типа, союзник. Но уважаемый.

Ага, а суд-то неравный. С одной стороны – какой-то занюханный бонд, с другой – настоящий воин. Хирдман. Кажется, из дружины Уббы Рагнарсона, точно не скажу. И на его стороне – десяток здоровенных мордастых дружбанов. А за бондом – только парочка свидетелей. Таких же занюханных. Уббов боец мне сразу не понравился. Ну не люблю я таких: наглых, кичливых и норовящих опустить тех, кто помельче. Бонда-истца я не знал. Наверное, откуда-то с другой части Сёлунда? Чем, интересно, его так изобидели, что он вызвал на Рагнарсов суд Рагнарсов же человека?

Узнал. Суд продолжался уже часа два, но то, что было раньше, мне пересказали.

Была, значит, у бонда дочь. И на беду свою приглянулась девушка ответчику, Визбуру Морской Крысе, когда тот появился в дом бонда. Гость здесь весьма уважаем... Но не настолько, чтобы по первому требованию класть ему в постель хозяйскую дочь, свободную, между прочим, датчанку. В общем, не захотела девушка добровольно отдаться Крысе (и я ее понимаю), и тот повел себя неправильно. То есть грубо наплевал на законы гостеприимства, которые не только хозяина обязуют гостя кормить-защищать, но и от гостя требуют правильного поведения. Обиженный отказом, Визбур Морская Крыса побил бонда и всех его домочадцев, причем кого-то даже до смерти, потом изнасиловал девушку, забрал с собой, то есть увез сюда, в Роскилле. Без всяких обусловленных законом формальностей.

По словам свидетелей, обращался Визбур с ней отвратительно. Как с рабыней, а не свободной. Бил часто и сильно. Так что у девушки даже случился выкидыш.

Умыкнутая девушка на суде тоже присутствовала, причем стояла не с отцом, а на стороне, отведенной ее обидчику-хирдману. Когда-то она, возможно, была красивой, но сейчас выглядела неважно. Похоже, недавно ей крепко досталось.

Сначала я удивился. Не понял, как такое возможно. То есть беспредел воинов в отношении бондов – это нормальная ситуация во всех землях Датской Марки и далеко за ее пределами. Однако не в Сёлунде. Здесь все землевладельцы держатся друг за друга, как я успел убедиться. Да и Рагнар их поддерживает, не дает своим головорезам безобразничать у себя дома. И это правильно. Если учесть, сколько викингов здесь постоянно болтается, они б весь остров на составные части разобрали вместе с населением, а великолепные леса, красу и гордость Сёлунда, основу его кораблестроительной промышленности, сожгли на фиг на дрова.

Всё встало на места, когда мне сказали, что мужик не сёлундский, а сконец. С той территории, которую недавно отхапал папа Рагнар и поделил между сыновьями: Бьёрном и Уббой. Сконце – не Сёлунд, так что у бонда – никаких шансов на справедливость. Этак он еще и в рабы угодит за «поклеп».

Собственно, к этому и шло. Визбур Крыса даже не оправдывался. Не сомневался, что приговор в его пользу. Да и никто из зрителей тоже не сомневался.

Но мнения всё же разделились. Одни считали бонда придурком, другие – тоже придурком, но придурком храбрым.

Рожа у Визбура Крысы лучилась самодовольством. Мерзкая рожа. Кровожадный, обнаглевший от осознания безнаказанности злодей. То есть среди моих собственных хирдманов были с рожами и похуже, но то были свои, а этот – просто сволочь. Меня особенно взбесило, что он избил девушку до выкидыша. Ну, неровно я относился к такому. Наверное, потому, что у моей Гудрун осенью тоже случился выкидыш. Правда, ее никто не бил. Наоборот, она сама убила. И не кого-нибудь, а сконского ярла. Однако потрясение сказалось. Ребенка она потеряла. И убивалась жутко. Правда, сейчас, когда она снова беременна, стало полегче.

А вот этой малышке легче точно не будет.

У меня нет никаких оснований любить сконцев. Никто не принес мне столько горя, сколько они. Но то были воины, а этот...

Наверное, он все же больше храбрец, чем придурок. Похоже, драться собирается! С хирдманом! Совсем с ума сошел? Хотя... Что ему терять?

– Пусть боги рассудят, – вещает Рагнар.

Это значит, убей его, Визбур, и дело с концом.

Окружение Лотброка веселится. Скалится Убба Рагнарсон, кричит своему человеку: мол, сделай из свинопаса свинью!

Не смеется только Ивар Бескостный. На его лице, как обычно, никаких эмоций. Какие эмоции у дракона?

О черт! Нет, я не могу этого допустить! Если не встряну – уважать себя перестану. А если встряну, этот Визбур вполне может меня убить. Боец он лихой, в этом можно не сомневаться. А если я его убью, то на меня может обидеться сам Убба Рагнарсон, а это уже совсем неприятно...

Ну и хрен с ним, с Уббой! Пусть обижается!

– Конунг! – Я шагнул вперед, изобразив легкий поклон.

Меня узнали. Губы Ивара тронула еле заметная усмешка.

– Ульф Хвити! Хочешь что-то сказать? – очень благожелательно поинтересовался Рагнар.

– Хочу!

Визбур глядит на меня и чуток напрягается. Я в его сценарии не предусмотрен. Но напрягается он совсем немного. Пока не вспоминает, кто я такой. А я для таких, как он, – человек Ивара Рагнарсона. То есть свой. Вдобавок всем известно, что я пострадал от сконцев, следовательно, никак не могу оказаться на стороне истца. И беспокойство тут же сменяется любопытством: чем же его, Визбура, развлечет этот маленький чернявый парень?

Уж развлеку, не сомневайся!

– Говори! – благожелательно разрешает Рагнар. Он тоже ждет чего-то... интересненького.

Шум стихает. Все хотят услышать, что я сейчас изреку. И я изрекаю. Неожданное.

– Мой конунг! Этот человек, – кивок на бонда, – кажется мне очень храбрым. А храбрость, как я думаю, по нраву богам!

– Все это знают, – соглашается Рагнар. – Вот пусть он и покажет свою храбрость! Сразится с Визбуром Морской Крысой. И если боги на его стороне, он непременно победит.

Конунг пошутил. И всем весело. Гогочут, аж рёв стоит.

– Пусть Тор поразит Крысу Молотом! – орет кто-то.

– Или Один – своим копьем Гунгниром! [1 - Гунгнир – копье главного бога скандинавского пантеона Одина.]

– Или Фрейр – своим! [2 - Фрейр – бог плодородия. Как и положено богу этого профиля, отличался размерами соответствующего органа.] Га-га!

– Если ты позволишь, Рагнар-конунг, – говорю я, когда вопли немного стихают, – я бы хотел сам послужить оружием богов.

Сразу становится тише.

– Что он сказал? – переспрашивают у меня за спиной.

Убба всё еще скалится. Он не понял.

А вот Морская Крыса – сообразил. Ухмылочка-то с морды сползла. «О то ж!» – как говаривала моя бабушка.

– Хочешь встать за сконца? – удивляется Рагнар. – Зачем тебе?

– Мне понравилась его храбрость, – я выдерживаю взгляд конунга, не сморгнув.

Рагнар ухмыляется еще шире. В конце концов, для того и существует божий суд, чтобы люди могли повеселиться. А славный хольмганг куда лучше, чем выступление мясника.

– Поединок чистый! – провозглашает конунг.

Это устраивает всех. Никто не станет мстить бонду, если я прикончу Визбура. Именно бонду, а не мне, потому что формально сражается он, и все пряники и плюхи – тоже его. Но не о бонде заботится Рагнар, потому что и мой брат Медвежонок не станет мстить Визбуру, если тот прикончит меня.

– До первой крови, – говорит Рагнар. – Если ты, Белый Волк, докажешь правду этого сконца, Визбур вернет девку и заплатит... Заплатит десять марок!

Толпа шумит. Десять марок – огромные деньги за простую девку. Рагнар щедр... Из чужого кармана.

– Если боги окажутся на стороне Визбура, то девка остается за ним, а этот бонд и всё, что у него есть, станет собственностью Визбура.

Вот теперь – нормально. С обеих сторон заклад примерно одинаковый. Рагнар честен. По-своему.

Вижу, как Ивар и Убба ударили по рукам. Даже не сомневаюсь, кто на кого поставил.

Я глянул на сконского бонда. Растерялся мой протеже. Он уже приготовился умереть – и тут появляется шанс. Или – это новое издевательство? Он боится. Оценить мою искренность и мои боевые качества он не может. Видит только, что я мельче Визбура раза в полтора.

Зато Визбур оценил ситуацию правильно. Ишь какая у него рожа... хищно-сосредоточенная. Вот то-то! Это тебе не бондов резать.

Нет, Визбур не испуган. Он же викинг. Они вообще ничего и никого не боятся. Только – честь потерять. Он просто прикидывает, как меня поэффектнее убить.

Давненько я не стоял в кругу.

Так, что у нас в кармашках?

У моего противника – полный набор. Он-то не на прогулку шел, а на суд.

У меня же – легкая кольчужка, больше для важности, чем для дела. Такая кинжал остановит. Удар по касательной, пожалуй, тоже. Шлем... Ну, шлем мне кто-нибудь позаимствует. И щит. Потому что иначе и Визбуру придется драться без шлема и щита, а ему это точно не понравится.

Еще у меня есть мой Вдоводел. Дивный клинок, равного которому у Визбура точно нет.

– Мечи и щиты! – провозгласил назначенный ярлом «судья на ринге». – Без права замены!

Визбур встряхнулся, вынул из-за пояса топорик и сунул за щит. Топор – это можно. И кинжал. И даже швырковый нож, если кто-то из нас захочет им воспользоваться. Только это вряд ли. Против доспешного, да еще со щитом, это как в бронетранспортер камнями бросаться. А вот копье – нельзя. И большую секиру.

Шлем и щит мне дали. Шлем с открытым лицом, что неплохо. Лучше обзор. Хуже, что шлем великоват, а щит тяжеловат, но – управлюсь. А может, мой Волк придет...

Ну, мечтать не вредно.

Хорошо двигается Визбур. Даже для хирдмана из банды Уббы Рагнарсона – выше среднего.

Я провернул в кисти клинок, покрутил головой, разминая шею, демонстративно игнорируя противника...

Не повелся Визбур, не кинулся диким кабаном. Точно слышал обо мне, а может, даже и в деле видел. Дистанцию сокращает очень аккуратно. Мастер. Ну да где наша не пропадала! Я и не таких бугаев заваливал. Вот хоть того же Торсона вспомнить...

«Никакой «до первой крови», – думал я, глядя на торчащий из-под низкого наглазника пук бороды с черной дыркой рта. – Насмерть убью скотину».

И тут «скотина» атаковала. Прыжок щитом вперед, в закрытом положении – в мой щит. Учитывая разницу в весе, мог бы и снести. Но я успел уйти назад. К сожалению, только назад. Логичней было бы влево, чтобы контратаковать, но я почувствовал: в сторону – нежелательно. Слишком уж напрашивалось...

И точно. Визбур этого и ждал. Выпрыгнул с рубящим сверху, щитом перехватывая мой встречный. И тут я его подцепил. Ногой. Удачно. Крысу аж развернуло.

Но все же пришел он на ноги. Хорошо пришел. Успел щитом прикрыться сверху и сбил мой Вдоводел краем. Но контратаковать не смог – позиция неудобная.

Так что атаковал я. Махнул под ноги (финт), бросил меч вверх, одновременно переводя рубящий в колющий...

Опять успел Крысюк. Сбил сильной частью клинка и сразу долбанул щитом в щит, отбросив меня шага на три. И тут же повторил, пытаясь дотянуться до моего лица из верхней позиции. А вот хрен тебе, золотая рыбка! Шлем у меня открытый, и морду под железо я не подставляю.

И не подставил.

Подставился Визбур. Вскрылся на щелочку. Я мог бы его достать, царапнуть колено и получить законный выигрыш. Меня это не устраивало...

К счастью, не устраивало.

Иначе словил бы меня Крыса.

А так только хрюкнул разочарованно, когда меч впустую проткнул воздух.

Похоже, недооценил я Визбура. Вон как сыграл клинком! Совсем не в размашистой манере викингов...

Промахнулся Крысюк, но не растерялся. И инициативу удержал. Сразу – бабах! Всей силой, по-простецки – по щиту.

Ответить я не смог, потому что шатнуло.

И Визбур окончательно взял инициативу.

Ноги топчут землю, пыль щекочет ноздри, от Морской Крысы несет... крысой.

Я проигрываю. Теряю время и силы. С викингами нельзя долго. Они выносливые, суки. Выносливей меня...

Понравилось гаду! Лупит по щиту, как ударник по барабану. Только треск идет. Я пока что успеваю сбрасывать, переводить в скользящие, так что основе щита не вредит. Вокруг рёв стоит. В основном своего подбадривают. Крысу то есть. И иногда и мое имя в общем оре проскакивает. Я здесь тоже не чужой. И на франков с Рагнарсом ходил, и на англов с Иваром, и с тем же Уббой.

А Крыса, похоже, увлекся. А вот это он – зря. Есть у меня одна домашняя заготовочка. Как раз под хольмганг с такими вот щитосеками.

Так что я отбивался и выжидал okazji. Прием у меня отработан. Тут главное, чтобы человек увлекся, силу почувствовал. Чтоб казалось: вот-вот – и развалится у врага щит. Сколько раз он уже приложил? Десять? Двенадцать?

Я был терпелив. С таким, как Визбур, ошибиться нельзя. Одна попытка. Первая и последняя. Так что ушел в глухую защиту, я старательно делал вид, что жду, когда противник устанет. Крыса же знал: до усталости ему еще часа полтора при такой нагрузке. И потому не снижал напора. Азартно лупил. Чувал, сволочь, близкую победу. Думал: вот я ошибусь – и хана моему щиту. А без щита он меня точно угондошит. Радовался Визбур. Втягивал пыльный воздух волосатыми ноздрями и уже чувал, как вскроет мою легонькую кольчужку.

Пора! Легкий доворот плеча, и клинок Визбура приходит на ребро моего щита. И, конечно, прорубает его до самого умбона...

И – вот оно! Я выпускаю щит. Нет, меч Крысы не застрял, просто его немного защемило. И падающий щит, естественно, увлек за собой меч. Совсем немного, сантиметров на двадцать. И руку, которая держала меч, – тоже. А упали они уже вместе: щит, меч и рука, которая его держала. Отрубленная почти по локоть.

Вот за это я так люблю Вдоводел. При всей своей легкости рубит он – просто загляденье.

Я ухмыльнулся. Сделано отменно. Не убил, да. Но воином Визбуру больше не быть. Пусть в бонды переквалифицируется.

– Закончено! – заорал «полевой судья».

– Все, Визбур, ты теперь тоже бонд, – с усмешкой сообщил я проигравшему, который, не веря, глядел на обрубок, из которого хлестала кровь.

Я повернулся к Рагнару...

И увидел, как вдруг изменилось его лицо, и прыгнул вперед. С разворотом.

Очень вовремя прыгнул. С Визбуровым топором разминулся на какие-то сантиметры.

А ты нехороший человек, Визбур! Впрочем, что ожидать от Крысы?

Моя рука с мечом – у бедра. От бедра я и ударил. Результат предсказуемый. Это как моей Гудрун мясо для обеда рубить. Хлестнул по восходящей – и шагнул в сторону, чтобы кровью не замараться, когда Крыса пролетел мимо меня. Уже без топорика пролетел. И без левой кисти. Всё, дружок! Нечем тебе теперь беременных девушек лупить. Да ты теперь штаны самостоятельно спустить не сможешь.

Визбур и не собирался. Когда ему бросились на помощь, мотнул головой, подбежал, уже шатаясь (кровь-то хлестала) к упавшему мечу, прижался к нему обрубками, да так и повалился наземь.

Что ж, может, ему и засчитают прогиб. Прирастят руки и усадят за большой стол в Асгарде. Там таких кровожадных много.

– Зачем ты убил хорошего воина? – сразу предъявил мне Убба. – Я его хольдом думал поставить.

– Поединок чистый! – немедленно напомнил я.

– Чистый, чистый, – поддержал меня Ивар. – Брат просто огорчен, его можно понять.

Доволен Ивар. Интересно, сколько он выиграл? Братья друг за друга – железно. Но соперничеству не мешает. Это у северян в крови. Я, человек Ивара, оказался сильнее человека Уббы. Вот главное. А какие-то там бонды... Это так, свиньи под

ногами. Свиней разводят и едят, вот и всё их предназначение.

Однако приподнялся и мой подзащитный. Десять марок получил. Правда, с оружием и доспехами убитого его прокатили. Сражался бы я сам за себя, получил бы всё сполна.

Беседуя с Рагнарсонами, я краем глаза наблюдал за сконцем. А хороший мужик. Дочери обрадовался куда больше, чем деньгам. А деньги-то – охрененные по его масштабам. Это как российскому бюджетнику сто тысяч долларов выиграть.

– Вечером – у меня на пиру, – скомандовал Ивар. – Бери, кого хочешь, но скальда своего приведи обязательно. Хватит ему около моего братца тереться! – Кивок в сторону Уббы.

– Ну так я – щедрее! – ухмыльнулся младший Рагнарсон. – А тебя, Ульф Хвити, предупреждаю: еще кого из моих людей убьешь, я тебя у Бескостного заберу. Будешь за убитых на моем руме отрабатывать. Так и знай!

– Мечтай! – Ивар хлопнул брата по загривку и пошел прочь в окружении личной свиты.

Я покосился на папу Рагнара. Лотброк глядел на сыновей, как кошка на играющих котят. Детишки!

Поймал мой взгляд, кивнул и отвернулся.

Что ж, суд продолжается. Не будем мешать.

Когда я выбрался из толпы, бонд с дочкой уже ждали. Сконец сразу протянул мне кошель.

– Это не мое, господин. Твое.

Хороший мужик. Худой, но крепкий. Глаза честные.

– Подожди, – мне пришла в голову интересная мысль. – Зовут как?

– Иси, господин.

– У тебя, Иси, на Сконсе своя земля или арендуешь?

– Арендную, господин.

– Семья большая?

– Я да она, – кивок на дочь, – больше никого. Спасибо тебе, господин!..

– Пожалуйста. У меня к тебе предложение, Иси. Оставайся у меня. Землю я тебе выделяю. Тоже в аренду, но много не возьму. Голодать не будешь. И на обзаведение этого точно хватит, – я кивнул на кошель. – Согласен?

– К тебе, господин, хоть трэлем пойду, только дочку не отнимай! – Сконец собрался бухнуться мне в ноги, но я не дал.

– Свободным! – отрезал я. – Работой отблагодаришь. У меня в поместье лекарь есть, христианин. Дочь твою посмотрит, подлечит, если надо. Послезавтра жду тебя на этом самом месте. И на-ка вот, держи! – Я сунул ему кусок кожи с оттиском головы волка. – Кто спросит или обидеть захочет, скажешь: я – человек Ульфа Свити. Этого достаточно. Меня тут знают.

Свартхёвди я нашел в кабаке. Рядом с ним – мертвецки пьяный Тьёдар Певец и совершенно трезвый Вихорёк.

Интересная судьба у моего приемного сына. Сам он – из славян, но я подобрал его во Франции, где он был монастырским рабом. Мальчишка здорово нам помог, и взять с собой – это меньшее, что я мог для него сделать. Сейчас парню пятнадцать, и он уже настоящий воин. Против такого, как Морская Крыса, он, конечно, не устоял бы, но соревноваться с ним в меткости стрельбы я бы не рискнул. По-здешнему Вихорька зовут Виги. Что, собственно, и означает «воин».

– О тебе говорят, – проворчал Медвежонок. – Кое-кто в хирде Уббы Рагнарсона тобой недоволен. Ты убил их родича.

– Поединок был чистый, – ответил я. – И он был бы жив, если бы не напал на меня сзади после окончания поединка.

– Всё равно многим это не понравилось, – буркнул Медвежонок. – Эй, девка! Еще кувшин и кружку моему брату!

Пиво появилось вмиг. Свартхёвди цапнул девку за ягодицу. Девка пискнула. Восторженно. Как фанатка, которую кумир по щечке потрепал.

– Дерьмовое пиво, – сообщил Медвежонок, рыгнув. – Но лучшего тут нет.

– Это тебя дома разбаловали, – я налил себе пива, отхлебнул... и согласился с побратимом.

– Ивар зовет нас на пир сегодня вечером, – сообщил я. – Этого – тоже, – кивок на застывшего в позе «мордой в салат» Тьёдара Певца.

– Возьмем, – кивнул Медвежонок. – До вечера он очухается. Скажи мне, брат, зачем ты вступился за того никудышного сконца?

Поскольку мои истинные мотивы Свартхёвди точно не заценил бы, я ответил в стиле правильного дана:

– Мне нужны люди.

– Ха! – Медвежонок грохнул кружкой по столу так, что на него оглянулись. – Хочешь посадить на рум сконского бонда? Он настолько хорош?

– Он храбр, раз приперся на суд Рагнара судиться с хирдманом его сына, но я собираюсь посадить его не к веслу, а на землю. У меня есть пашня, которую надо возделывать, но того, кто это делал, убили сконцы. Вот пусть другой сконец на меня и поработает.

Свартхёвди задумался...

– Полагаешь, этот бонд стоит того, чтобы ссориться с парнями Уббы?

– Главное, чтобы с самим Уббой не поссориться, – заметил я. – А с его хирдманами мы с тобой уж как-нибудь разберемся, берсерк! Скучно жить, когда у тебя нет врагов!

– Это точно, – согласился побратим. – Мы убьем всех!

На этом и порешили.

– Я купил рабов, – сообщил Свартхёвди. – Шесть голов. Восемь марок, дешевле не получилось бы.

Уж в этом я не сомневался. Торгуется Медвежонок, как... Примерно как его матушка. Только та упирает на то, что не стоит сердить колдунью, а Медвежонок светит татушками воина Одина и время от времени порывает по-медвежьи. На купцов действует.

– Еще две девки из Гардарики. Обе порченые. Ту, что получше, я попробовал. Скучная. Как корову попользовал.

– Корову? – очнулся Тьёдар. – Свартхёвди, ты попользовал корову?

– Нет! – рявкнул Медвежонок. – И если ты что-то такое вякнешь...

– Пон-нял. Никому не скажу! Ни слова! Тс-с-с! – И снова вырубился.

– Думаешь, он запомнил? – с беспокойством произнес Свартхёвди.

– Я прослежу, чтобы он помалкивал, – пообещал я с улыбкой.

Вихорёк хихикнул... И тут же изобразил невинность – под испепеляющим взглядом грозного родича.

– Так вот, – продолжал Медвежонок. – Две тир, снулые, но крепкие, и шестеро трэлей. Откуда – не знаю, по-нашему почти не говорят, но годные. Один, правда, строптивый: вся спина исполосована, но за это мне продавец скидку дал. И на круг – тоже скидку, – Медвежонок гордо посмотрел на меня, ожидая похвалы.

Я похвалил. Покопался на Вихорька. Тот явно желал что-то сказать, но вмешиваться в разговор старших не положено.

– Говори! – разрешил я.

– Этот строптивый – жрец Хорса, – сказал Вихорёк.

– Что, тоже из Гардарики? – заинтересовался Медвежонок.

– Нет. Он – из древлян. Но языка того же. А били за то, что работать не хочет. Говорит: ему не положено.

– Хорс – это кто? – спросил я.

– Это солнце, отец, ты не знал?

– А зачем? – уклонился я от ответа.

– Солнце – это хорошо, – одобрил Свартхёвди. – Будет артачиться – никогда своего бога не увидит.

– Это как?

Свартхёвди с усмешкой показал, как выдавливают глаза.

– И зачем мне слепой раб? – возмутился я.

– Тебе не нужен, а мне пригодится. Будет жернов мельничный крутить.

– То есть водяной привод, который я тебе сделал, – не устраивает?

– А зимой как? – возразил Свартхёвди. – Зимой ручей замерзнет.

Мне надоело препираться. В конце концов, это теперь мой трэль. Сам разберусь.

- В мяч поиграем? – предложил я, прикинув, что до вечера еще долго.
- Охотно! – Медвежонок вскочил, уронил на стол пару серебряшек. – Виги, этого не забудь, – кивок на спящего скальда.
- Медвежонок, – сказал я, когда мы вышли на свежий воздух. – Нам нужны еще две пары рук, знакомых с мечом и веслом. Займешься?
- Зачем это?
- Затем что маловато нас для Змея.
- В вик собрался? – оживился Свартхёвди.
- Не я, а мы, – поправил я побратима. – И не в вик, а в путешествие. Весна. Что дома сидеть?
- И куда? – спросил Медвежонок. – Куда ты хочешь?
- В Гардарику.
- Ну, я же сказал: в вик! – обрадовался побратим. – Это ты о тех девках подумал, да?
- И это – тоже, – настоящую причину я ему пока что называть не хотел. – Не против?
- Я готов, брат! Может, еще кого взять? Маловато нас для хорошего... путешествия! – Свартхёвди хохотнул.
- Нет. Пару бойцов найди, и довольно. Пока так сплаваем. Приглядимся.
- Меха там хороши! – мечтательно проговорил Медвежонок. – И добыть нетрудно, если знать, где хранят. Даже малым числом.

Викинг и разбойник – это синонимы.

Но я снова не стал возражать. Если я прав, всё устроится само. Если нет, то... Будем действовать по обстоятельствам.

Глава 2

Ульф уходит в вик

Жрец Хорса – это меня заинтересовало. Потому что вспомнилось святилище, в которое меня таскали на закление в начале здешней карьеры и где тамошний главный жрец меня забраковал. Что не может не радовать. Богатое было место. Я бы туда наведалься при случае.

Но выкроить время для беседы удалось, только когда мы вернулись домой.

Я вспомнил о жреце, когда увидел его за работой. Служитель культа убирал свинячье дерьмо. Надо полагать, проведенная Медвежонком профилактика возымела действие. Лишиться глаз служителю языческого культа не захотелось, и забастовку он прекратил.

Братец запугал раба основательно. Когда я его окликнул, трэль бухнулся на колени и так, на коленях, ко мне и подполз. Прямо по отходам свинской жизнедеятельности.

Я велел ему встать (по-словенски) и попытался выяснить географическую привязку капища, где он обитал.

Не получилось. И мужик был слишком перепуган, и я разбирался в географии древней Руси плоховато. Вскоре допрос пришлось прервать: приехал Свартхёвди.

И не просто так, а с пополнением.

Два волосатых парня, прикинутых как воины умеренной крутости. Защита – куртки с нашивками, меч только у одного, и, судя по ножнам, – не из элитных.

Однако лбы здоровые. Каждый – на полголовы выше меня. Один – рыжий, другой – обычной расцветки, то есть, если вымыть, будет блондином.

– Это Скегги Красный, – представил Медвежонок рыжего. – А это – Скегги Желтый. Они – братья. Меж собой и наши тоже.

Братья вежливо поздоровались. С трудом. Голосовой аппарат у них не того типа, чтобы вежливости изрекать.

– Что можете? – спросил я.

Оба покосились на Медвежонка.

– Годные дренги, – сказал тот.

Дренги, значит. И давно они – дренги?

– В вики ходили?

Сдвоенный кивок.

– С кем?

– С Гуттормом Беззубым.

Ничего не говорит, ну да я и не спец. Важно другое: есть у Свартхёвди такая тема: родичей в хирд пропихивать. А их потом грохнут в первом же бою из-за отсутствия спецподготовки, и кого прикажете на румы сажать?

– Куда ходили?

– К ругам, – сказал Красный.

– И к вендам, – добавил Желтый.

– У вендов нас побили, – уточнил Красный. – Полгода назад выкупились.

Да, послужной список – не блестящий. Но люди мне нужны, не говоря уже о том, что у меня самого репутация – не ахти. Был свой хирд да весь вышел.

– К бою! – рявкнул я.

Переглянулись. Стоят.

– Медвежонок, у них как со слухом? – поинтересовался я.

– Хёвдинг хочет проверить, что вы можете, – донес до братьев мысль Свартхёвди. – Покажите ему!

– Чего?

Ладно. Интеллект рядового бойца в деле – не главное.

– Достали свое железо и начали меня убивать! – велел я.

– А зачем?

– Виги! – рявкнул я. – Тови! Сюда!

Оба названных охотно прекратили таскать груз для похода и кинулись ко мне.

Тови Тюлень – из новобранцев. Молодой, но шустрый. И тоже наш, блин, родич. Ну этого хоть догнать удалось до приличного уровня.

– Убейте меня!

Этим повторять не пришлось. Клинки наголо, грамотный заход с двух сторон – и понеслась.

Я дал им порезвиться с полминуты, потом захватил клинок Тови и лишил его оружия. С Вихорьком пришлось повозиться: ловкий и легкий, умница. Не без труда поймал его на атаке и обозначил в грудь. Аккуратно, потому что парень

без доспехов.

Братья наблюдали. С интересом. И еще зрители собрались, в том числе жена моя любимая Гудрун с уже намечающимся животиком, и наложница Бетти – тоже с животиком, но побольше.

Бетти я взял в наложницы по настоянию Гудрун, когда моя любимая решила, что у нее больше не будет детей. Ошиблась, к счастью. Ну, не выгонять же теперь Бетти? Тем более что англичанка – хорошая девочка. Храбрость проявила: целого викинга зарубила топором. И жену мою спасла. Вообще у Гудрун с ней какие-то особые отношения: примерно как у старшей сестры с младшей, хотя англичанка еще недавно была рабыней, а Гудрун – благородная датчанка.

– Поняли? – спросил я братьев.

– Ага.

– Так что вы стоите?

Заухмылялись. Дошло. Скинули со спин щиты, тоже разошлись, но недалеко. Явно приучены друг друга прикрывать.

– Зацепите меня – плавленный эйрир[3 - Эйрир – одна восьмая часть марки, которая в описываемое время составляла где-то 220–230 гр. То есть эйрир – это около тридцати граммов. Плавленный отличался от бледного качеством серебра. И стоил раза в два больше.] каждому! – внес я в процесс серьезную материальную заинтересованность.

Оживились. Напали. Техника боя: «сила есть, ума не надо».

Что мне понравилось: друг друга действительно прикрывали. А так, конечно, подготовка слабенькая. Я шлепнул одного плашмя по ляжке, а второму, тоже плашмя, – по подбородку. Чувствительно. Даже кровь пошла, но я был ни при чем. Боец губу прикусил.

Остановились. Желтый потрогал бороду, посмотрел на красное на пальцах, потом на меня... Но возмущаться не стал.

– Медвежонок, – ласково поинтересовался я, – ты для чего их мне привел? Землю пахать? Так у меня теперь есть кому.

– Ты возьми их, брат, – почти жалобно попросил Свартхёвди. – Я их подучу. Они не такие дурни, как кажутся, увидишь!

– Ладно, – согласился я. – Ты отвечаешь. И... – сделал паузу. Глянул сурово на «цветных» братьев: – Без доли! Докажете в бою, что достойны, тогда поглядим.

– Как это – без доли? – возмутился было Желтый. – Мы ж хирдманами были!

– Тот, у кого вы были хирдманами, больше хирды не водит! – отрезал я. – Не нравится – не держу.

Братья поглядели на Свартхёвди. Медвежонок пожал плечами. «Я и так сделал всё, что мог, – говорило его лицо. – Кто ж виноват, что вы такие олухи?»

– Да или нет?

– Мы согласны, – синхронно пробормотали «цветные» Скегги.

– Тогда оружие – вон туда, а сами – в распоряжение вон того трэля! – Я кивнул на деловитого Хавчика.

– Как это – трэля? – возмутился Желтый, но Красный, прочитав по моему лицу, что еще слово – и вышибут, дернул брата за рукав, и тот заткнулся.

К вечеру мы загрузили драккар. Да, засиделись мы на Сёлунде. Всё прошлое лето, считай, никуда не ходили, разве что пару раз на континент – с германцами поторговать, но это близко. Зато ходили семейно. Я с Гудрун, Свартхёвди – с молодой женой, Скиди – аналогично. В общем, буржуйствовали.

Осенью прикупили еще сёлундской земли. И мы, и хирдманы мои, Гуннар со Стюрмиром. Парни и наложницами обзавелись. Я был только рад. Они нам с Медвежонком хоть и не родичи, но, считай, братья по палубе.

Вообще нам нужен был этот год. И раны подлечить, и вообще отдохнуть, а то что ни лето, то поход, из которого сам не знаешь, вернешься или нет.

Я бы считал себя полностью счастливым, если бы не грызла мысль о Хрёреке.

Благодаря Хрёреку Соколу я стал тем, кем стал. Это долг, который невозможно возвратить полностью, но хотя бы отчасти... Вдруг он жив и ему нужна моя помощь?

Год прошел неплохо, но мы соскучились по Лебединой Дороге. Настроение было... предвкушающее. Такое, что всё равно, куда идти.

Груза на продажу взяли без фанатизма. Немного тканей, немного трофейной посуды, еще кое-что – по мелочи. Часть Свартхёвди рассчитывал продать по дороге, в той же Упсале хотя бы. Да и драккар – не кнорр. Много не возьмешь. Обрато братец планировал привезти меха и воск. И то и другое можно было неплохо продать германцам.

Я ничего не планировал. Всё зависело от того, чем встретит меня Альдейгья. Она же – Старая Ладога.

В поход нас отправлялась чертова дюжина.

Мы с Медвежонком.

Стюрмир, мой старый друг еще с тех времен, когда мы ходили на «Красном Соколе» Хрёрека.

Мой бывший ученик, а ныне – сосед и опытный хускарл Скид.

Тьёдар Певец, скальд и боец, которого мы нашли в Норвегии. Ну как нашли? Он едва не прирезал моего братца. Однако Медвежонок оказался круче, взял Тьёдара в плен, и тот откупился знаменитой в узких кругах сагой о Волке и Медведе, которую я возненавидел уже после двадцатого повторения.

Еще Хавгрим Палица, тоже «обученный» берсерк, как и Медвежонок, и так же, как и он, в состоянии боевого безумия стоивший десятерых.

Гуннар Гагара, последний из моих норегов. Надежный и опасный, как франкский меч.

Из младших – Вихорёк, Хавур Младший, сын Хаки и Тови Тюлень.

Два «цветных» братца.

Еще я взял с собой и отца Бернара. Драться он не будет, но грести может не хуже любого из нас. И куда важнее, что он – лекарь.

Тринадцать человек. Этой команды не хватало даже на то, чтобы заполнить все румы нашего «Северного Змея», но набирать слишком много новых бойцов я не стал. Учитывая наличие двух берсерков, да, и меня в придачу, мы и такой командой представляли грозную силу. Да и найти хороших и свободных воинов на Сёлунде – еще та задача. Здесь они нарасхват, и любой мастер меча и щита безусловно предпочтет пойти в дружину конунга или кого-нибудь из его сыновей, а не под команду такого сомнительного хёвдинга, как я.

Беспокоило отсутствие кормчего. Правда, Свартхёвди утверждал, что сам справится. Мол, в Альдейгью он ходил раз десять, да и выше по Мутной[4 - Мутная – это река Волхов.] поднимался. И солнечный камень у него есть[5 - Кристалл исландского шпата. За счет особой оптической структуры позволяет определить местонахождение солнца даже в пасмурном небе.]. Достался в наследство от нашего прежнего кормчего Уве Толстого, убитого сконцами. Мол, не парься, братик, доставлю в лучшем виде. Опять-таки положенные постороннему кормчему три доли уделять не надо. Экономия!

Проводы устроили в доме Медвежонка. То есть фактически это был дом моей тещи (и матери моего сына Хельги, только тс-с-с!) Рунгерд, но формально владел им Свартхёвди.

Рунгерд была прекрасна. Красивее – только моя Гудрун. Впрочем, и жена Медвежонка Фрейдис – тоже не подкачала. Особенно по скандинавским меркам.

Папа у Фрейдис – главный норвежский конунг Хальфдан Черный. Медвежонку пришлось здорово упереться, чтобы получить ее в жены. Но любовь не знает преград. Особенно любовь берсерка. Так что теперь на руках Фрейдис – здоровенький лысенький сынишка, а на губах – самодовольная улыбка.

Плодится и размножается наша сёлундская семейка.

Просторный дом Рунгерд еле вместил всех чад и домочадцев, вместе с их ближайшими родственниками, которых перечислять – горло пересохнет. Многих из них, например Гримара Короткую Шею или Свана Черного, я охотно взял бы с собой, да только им это неинтересно. Первый – хёвдинг Ивара, второй – хольд еще одного Рагнарсона – Бьёрна Железнобокого.

Я особо не напивался. Чтобы прощальная ночь с моей любимой девочкой запомнилась нам обоим.

И она запомнилась, несмотря на то, что приходилось быть очень аккуратными.

– Твой сын растет, – сообщила Гудрун, погладив себя по выпуклому животу. – Возвращайся скорее!

Она не говорила мне: береги себя. Не сомневалась в моей удаче. Я, пожалуй, тоже. И плыл я не воевать. У меня – более обширные цели.

Глава 3

Заварушка у родных берегов

Да, я плыл не воевать. Но есть такой старенький анекдот: идет по лесу добрый молодец, а навстречу ему – баба Яга. С «калашниковым». «Да ты, милочка, никак изнасиловать меня хочешь?» – говорит добру молодцу баба Яга. «Что ты, бабушка! Даже и не думал!» – восклицает молодец. «А придется!» – сообщает бабушка, передергивая затвор.

Но это случилось позже. Сначала мы совершенно мирно шли вдоль берегов Дании. Без спешки. Время от времени останавливались, чтобы посетить родичей, которые нас кормили и снабжали на дорогу. Мы отдаривались.

Зашли и в Хедебю. К родне Хрёрека на этот раз я не сунулся. Попросил Скиди осторожно расспросить: не встречал ли кто Ульфхама Треску? Я знал, что главный «телохранитель» Хрёрека лечился у здешнего бонда. Может, и в столице был?

Безрезультатно.

Ко двору конунга всех данов меня не пригласили. По словам моего знакомого ярла Халлбьёрна, отношения между Рагнарсом и Хареком не складывались. Я же, по мнению здешнего общества, считался человеком Ивара Рагнарсона.

Надолго в Хедебю не задержались. Двинули дальше, вдоль побережья Швеции (тоже без эксцессов), а потом напрямик через море – в Финский залив.

Но это только теоретически – напрямик. По факту Медвежонок промахнулся этак километров на сто к западу, так что вышли мы не к Финскому заливу, как планировалось, а к побережью эстов.

Вот тут мирная жизнь закончилась, и нам пришлось удирать во все лопатки, когда два местных корабля, переполненных желающими пообщаться, пустились за нами в погоню.

«Северный Змей» оказался проворнее. Вообще он ходкий, мой кораблик. Вернее, наш с Медвежонком. Догнать нас непросто. Особенно если ветер попутный.

Места для ночлега теперь выбирали очень внимательно. Эсты – ребята хищные и скандинавов не любят. Когда наших много. А вот появишься на горизонте одинокий драккар с небольшим экипажем, тогда – наоборот. Готовы любить со всем пылом. Если догонят, конечно.

Финский залив я узнал. Он мало изменился за тысячу или сколько там лет. Даже небо – такое же, как там, в будущем. Серое и нерадостное. Аж чем-то родным повеяло. Можно сказать, земля моих предков.

Вскоре нам повстречались два кнорра, которые при виде «Змея» сразу стали забирать в сторону, поближе к берегу.

Потом еще один корабль, тип которого я не опознал. Этот сворачивать не стал. Большой. От такого нам уходить в пору.

Но мы не стали.

– Нападут – им же хуже! – заявил Свартхёвди. – Это не наши, это здешние.

Не напали.

Через час показался еще один корабль. Большой и с приличной осадкой.

На парусе – бородатая красная рожа под черной свастикой.

– Эсты, – опознал Медвежонок, который и впрямь в здешних водах был не новичок. – Подойдем-ка глянем, что везут.

Все оживились. Кроме меня и отца Бернара.

Эсты не испугались. Их было раза в два больше. Думаю, что им тоже было интересно глянуть, что мы везем. С аналогичной целью.

Знали бы, что у нас на борту целых два берсерка, враз бы всю любознательность отшибло!

Наш товар издали не опознать, а вот что везут эсты, мы поняли сразу. Рабов. Много, никак не меньше трех десятков. И это – на палубе. А еще – в трюме?

Свартхёвди скривился. Рабы продаются неплохо, но это не тот товар, который стоит везти в Роскилле, а не в Гардарику. Там это уже статья не импорта, а экспорта.

В общем, не понравились нам эсты.

А вот мы им явно по душе пришлись. Драккар небольшой, следовательно, нас мало и плывем мы не грабить, а торговать. Причем осадка у нас небольшая. Что это значит? А то, решили эсты, что на борту есть кое-что ценное.

Бабушка с автоматом немедленно оживилась. Вот он, добрый молодец, которого она ждала последние пятьдесят лет!

Я увидел, как их кормчий переложил руль, рабов начали сгонять с палубы в трюм, а часть эстских бойцов заняли румы и вставили в лючки весла. Между нами метров четыреста, так что все эти замечательные приготовления плюс то, что ливы начали спешно вооружаться, не заметить было трудно.

Однако наш добрый молодец не собирался никого любить по принуждению. Наши оружейные ящики были уже открыты.

– Стюмир, Гагара – мачту на палубу! – распорядился я.

Они хотят драки, они ее получают. Два берсерка в команде – это плюс двадцать к численности. Да и меня со счетов списывать не стоит. Это я буду списывать, когда до дела дойдет.

– Не торопимся, – сказал я застегивавшему панцирь Свартхёвди. – Этот кабанчик сам на вертел наденется.

Побратим оскалился по-звериному и рявкнул.

Типа, доброй охоты!

И мы не торопились. Даже весла прибрали.

Эсты еще издали заорали что-то оскорбительное.

– Не отвечать, – велел я.

Будем ждать молча. Так здесь не принято. Пусть задумаются. Может, мы – уменьшенный клон Нагльфара?[6 - Нагльфар – корабль из ногтей мертвецов. До Рагнарека данное плавсредство хранится в царстве мертвых.]

Дистанция сто метров. Запели первые стрелы. Большинство ушло в воду. Хавгрим Палица вооружился огромным хогспьетом, тяжелым копьем с рубящим наконечником на длинной трубке и с металлической оковкой на хвосте – таким прототипом алебарды, и пристроился на носу. Первое копье прилетело именно в него. Хавгрим перехватил его левой и левой же послал обратно. Вопль. Попал, как и следовало ожидать.

– Бернар! – рявкнул Медвежонок. – К кормилу!

Монах команду выполнил. Держать руль – не проливать кровь.

Братец полез вперед, невежливо меня отпихнув, пристроился с другой стороны «дракона». Оба берсерка аж слюни пускали в предвкушении битвы. Пока что – фигурально выражаясь. Когда у них слюни потекут по-настоящему, вот тогда от них и надо бежать со всех ног. Но куда бежать, если ты – на палубе? Только за борт.

Эсты дружно втянули весла. Их корабль шел по инерции, вдоль борта уже собрались горячие эстские парни, держа наготове крючья и специальные «бородатые» топоры – брать нас на abordаж.

Мы молчали. Прикрывались щитами от редких стрел. Цель мы неудобная: изогнутый нос драккара прикрывает.

Хороший кормчий у эстов. Подошли тик-в-тик. Не ударились – притерлись. И скорость почти обнулили. Видать, понравился им наш драккар, не хотят портить. Тут я их понимаю. «Северный Змей» мне и самому нравится.

Прыгнули Свартхёвди и Хавгрим почти одновременно. Сразу, как только крючья соединили корабли и эсты дружно потянули за канаты, выбирая слабинку. Прыгнули одновременно, но Свартхёвди было прыгать чуть дальше, так что он оказался ближе к корме, а Палица – ближе к носу. Зато заревели оба в унисон, а рёв у берсерков такой, что сразу хочется забиться под лавку.

Проняло всех. Включая и тех, кто уже стоял на скамьях, готовясь десантироваться на нашу палубу... Что и сказалось как на численности прыгнувших, так и на их слаженности.

К нам, вразнойбой, сиганули всего шестеро. Остальные оглянулись... и промедлили.

Вот это зря. У нас на палубе, пожалуй, им было бы безопасней.

Я походя срезал одного прыгуна и подвинулся, уступая «цветным» братьям. Пусть покажут себя в бою. И они сработали неплохо. Парой. Встретили тоже двоих и вполне прилично отбились. Ранили одного в руку, а второго просто спихнули с борта. Мужик угодил в щель между кораблями, заорал, когда его притиснуло.

Стюрмир наклонился, ухватил его за ворот, и, когда борта немного разошлись, выдернул эста из щели, как репку из грядки. Содрал шлем и долбанул по макушке. Эст сомлел, а Стюрмир тяжело вздохнул. Драки ему не досталось. Попытка высадки была заблокирована, а на чужой палубе лютовали берсерки. Соваться туда не стоило, пока у них не кончится заряд.

Заряд кончился только у Хавгрима. У Медвежонка враги закончились раньше, и он сумел вовремя остановиться. Сидел у мачты, тяжело дыша, но в сознании. Вокруг – побитые эсты. Девятнадцать штук. Как-то даже неспортивно. Было больше, но часть сиганула за борт. Тоже почти гарантированная смерть, если в доспехах, но я уже заметил: берсерк – это не только сверхскорость, мощь и неуязвимость, это еще и какое-то подсознательное, inferнальное воздействие. Неконтролируемый ужас.

Противостоять ему можно. Если ты – воин с железными нервами. В окружении таких же, как ты. Но стоит растеряться или поддаться панике – и ты покойник.

Впрочем, двое смывшихся ухитрились не утонуть и плыли сейчас к недалекому берегу. Упустить их было бы неправильно. Не заслужили.

– Отцепляемся! – скомандовал я. – За ними! – Я отправил отца Бернара на рум (он как гребец здоровее меня), а сам встал за руль. Драккар развернулся идеально. Пара минут – и мы обогнали ближайшего, еще полминуты – и поравнялись со вторым.

– Собью его! – азартно воскликнул Вихорёк, хватаясь за лук.

– Не стрелять! Живьем! Гуннар!

Норман втянул весло, скинул пояс, бронь и сиганул с борта прямо на беглеца.

Под воду ушли оба, но в результате я даже не сомневался. Викинги плавают отменно, причем при любой температуре, а дерутся в воде, как натуральный подводный спецназ. А норманы – те вообще даже не «тюлени», а белые медведи.

Гуннар вынырнул, придерживая потерявшего сознание эста.

Ему сбросили веревку и в шесть рук вытянули обоих из воды. Потом вернулись к первому. Этот сразу завопил:

– Я сам, только не убивайте!

– Вот этого я тебе обещать не могу, – пробормотал я, но достаточно тихо, чтобы эст не решил, что утонуть – лучшая перспектива.

Глава 4

Знакомцы из прошлого

Ничего интересного мы от эстов не узнали. Обычные работорговцы на «чартерных» рейсах. Скупают челядь у ближних князей, возят к себе и перепродают другим торговцам живым мясом.

Почему на нас напали? Да кораблик наш понравился. Да кто ж знал, что у нас в составе аж два берсерка? Покойный капитан эстов сказал, что на таком драккаре удобно набегать совершать: небольшой и быстрый. Налетел, похватал двуногую добычу и смылся.

Эсты специализировались на работорговле и заботились о развитии предприятия.

А бизнес у них процветал. Здесь у эстов имелся отличный партнер: князь Водимир. Не первый год с ним сотрудничали. Человек достойный и происхождения правильного: сам на четверть – эст, со старшей женой ихнего, эстского, князя, в кровном родстве состоит.

«Вот же сука, – подумал я. – Собственными подданными торгует».

И оказался не прав. Подданными князь Водимир не торговал. А вот теми, кто отказывался ими стать...

Я узнал это, когда живой товар выгнали из трюма. И тут меня ждал сюрприз.

Квашак!

И Быська!

Сын кузнеца, приютившего меня, в прямом смысле голого и босого, только-только оказавшегося в этом славном мире, Квашак выглядел – не ахти! Худой, нос на сторону, хромает и вообще весь какой-то перекошенный...

Меня Квашак не узнал.

Не удивительно. Тут же не столько лицо смотрят, сколько одежду, а по одежке я – если не князь, то где-то около того.

– Вымойте его, – велел я. – Только в воду не кидайте, помрет. Вымойте – и пусть отец Бернар его осмотрит. Потом – ко мне. С остальными тоже разберитесь.

Сделали без вопросов. Да и какие вопросы? Хёвдинг сказал, дренги и хускарлы – исполнили.

– Ничего серьёзного, – сообщил результат осмотра монах. – Ребра были сломаны, но срастаются нормально. Нос сросся криво, надо снова ломать, иначе дышать будет трудно. Хромота останется, но жизни не угрожает. Он – кузнец?

– Как догадался?

– Так видно же, – удивился отец Бернар.

И впрямь видно. Телосложение у кузнецов – специфическое. И мелкие ожоги на коже опять-таки.

Привели парня. Нет, не парня уже – мужика. Несколько лет – срок немалый.

Да, нос конкретно на сторону... Ну, не будет тянуть кота за амортизаторы.

Классический свинг слева – и нос хрустнул.

Прежний Квашак наверняка полез бы драться, этот стерпел. Даже хлынувшую кровь утирать не стал. Покорно ждал продолжения.

– Отец Бернар, твоя очередь!

Монах подошел, ухватил парня за злосчастный нос. Тот замычал.

– Стоять! – рявкнул я.

– Спокойно, – проворчал монах по-скандинавски. – Тебе не больно. Ну, вот и всё. Скажи ему, Ульф, чтоб больше не трогал, пока не заживет. Тогда прямым будет.

Я перевел.

Квашак удивился.

– Отец где? – спросил я.

– Чей?

– Твой, дурень! Коваль!

– Так убили его.

– Кто?

– Так ваши и убили, – простодушно удивился Квашак. – Князя Водимира гридни.

– А с чего ты решил, что мы – гридни Водимира?

– А чьи ж еще?

М-да. Папаша-то поумнее был. Так, попробуем с Быськой.

Эта тоже меня не узнала.

– За что убили отца? – спрашиваю. И – развернутый ответ. Минут на пятнадцать. С кучей нужных и ненужных подробностей, но в целом – ясно.

Водимир решил налаживать вертикаль власти. Для чего, надо думать, разослал по окрестностям своих людей с целью превращения свободных граждан в податное сословие.

Некоторые соседи Ковалья, узнав о таком лихе, попрятались по лесам, где их искать – долгое и непродуктивное занятие. Другие согласились уйти под княжью «крышу». Коваль не согласился. И в лес не сбежал, остался. Решил: кузнец – нужный военным людям человек. Не обидят. И вообще: чего бежать со своей земли, которую ты и предки твои от леса вычищали? Ну и кузница, опять-таки. Кузницу целиком в лес не утащишь. Муж Быськи тоже сбежал. А она осталась. Верила в отцовскую мудрость.

Коваль ошибся. Нет, сначала ему предложили культурно: перебирайся в город. Вернее, в пригород. Будешь на князя работать, а князь тебя не обидит. Треть того, что зарабатываешь, – тебе.

«А почему – треть? – удивился Коваль. – Я что, холоп княжий?»

Будешь – холоп, объяснили ему. Зато не тронет никто, и заказов станет несравненно больше.

Коваль заартачился. Люди Водимира настаивали. Слово за слово – и до драки дело дошло. Ну, и убили Ковалю. Надо думать, случайно. Дрался хорошо, вот и не сдержал кто-то руку.

На этом вежливый разговор закончился. Дружинники Водимира забрали всех, включая даже младенчика, и увезли в город. И всё добро, что нашли (а нашли не всё, поведала Быська и намекнула, что могла бы показать), с собой увезли.

А тут как раз корабль эстов пришел в город, ну, и продали их. Тех, кто взрослые и помоложе. Никто даже не поинтересовался, что Квашак – кузнец.

– А он кузнец? – уточнил я.

– Ага, – ответила Быська. – Отец говорил: сам уже всё может, даже меч ковать.

Глядя на Квашака, этого не скажешь. Кузнецу всё же некоторая толика мозгов нужна. Но вдруг?

Стоило мне отпустить Быську, как Вихорёк тут же поинтересовался: не решил ли я оставить бабу для себя?

Я мотнул головой, и довольный Вихорёк тут же отправился раскручивать ее на секс. Прямого насилия я не допускал, разве что для Медвежонка делалось исключение: мы – в равных правах. Но здесь рабы не отказывают хозяевам. Не прибили, и спасибо.

– Кнорр продадим, – сказал мне Свартхёвди, отоспавшись. – Трэлей – тоже. В Альдейгье и продадим. Или по дороге. Невыгодно, конечно. Здесь за трэлей хорошей цены не дадут, да возиться неохота.

– Двоих продавать не будем, – уточнил я. – Они свободными были. Их местный князь незаконно свободы лишил.

– А нам – что?

– А то, что их отец мне когда-то гостеприимство оказал!

– Тогда другое дело, – согласился Медвежонок.

– А они – не родичи тебе? – вдруг спросил Тьёдар, который в этот самый момент занимался сочинением хвалебной песни Медвежонку и Палице.

– Шутишь?

– Жаль, – вздохнул скальд. – Были бы родичами, тогда я бы в вису вставил. Красиво бы получилось. Ульф Хвити поражает эстов, чтобы спасти родичей.

– Ты же о нас с Палицей сочинял? – ревниво вмешался Свартхёвди. – Что мы всех эстов убили.

– Это песня! – с важностью заявил Тьёдар. – В песне убивает тот, о ком можно сказать красивее!

Медвежонок набычился, и я поспешил его успокоить:

– О тебе будет песня! Не родичи они мне!

Побратим успокоился и отправился оценивать наше живое имущество.

Второй участник будущей драпы спал. И спать ему предстояло минимум до завтрашнего утра. Берсерков отходняк.

Квашака посадили на рум корабля эстов. Этот дурак еще упирался, кричал, что бок сильно болит. Но когда Вихорёк, взявший шефство над ним и сестрой, пояснил, что взятое в руки весло сделает Квашака свободным человеком, боль в боку сразу резко уменьшилась, и греб он очень даже неплохо.

В трофейную команду кнорра я решил включить пятерых: себя с Вихорьком как понимавших словенский, а также Хавгрима Палицу, Гуннара Гагару и Стюрмира – дабы у живого имущества не возникло дурных мыслей. Ну и грести, конечно. Я же сам монополизировал место у руля, с удовольствием вспоминая уроки Ольбарда Синеуса и сожалея о том, что на время нашего похода отдал

должность кормчего на откуп Свартхёвди.

Устье Невы. Течение встречное, но слабенькое, а ветер – подходящий. Так что идем в основном под парусом. Всё время начеку, потому что на берегах – шевеление. А кто там: мирные чухонцы или немирные... чухонцы?

Два корабля – не один. Повнушительнее. Идем без остановок, пока ветер в нужном направлении. «Морской Змей» притормаживает, чтобы мы не отстали. Борюсь с искушением: посадить на румы еще парочку из рабского сословия. Тех, кто покрепче. Удерживает взгляд. Нехорошо смотрят: такие будут пресмыкаться, когда ты в силе, а расслабишься – прыгнут на спину. Если не струсят. Рабы, одним словом. Вихорёк пасет их, как мальцом пас во Франции монастырских овец.

А еще я знаю, что они такими не были. Слишком хорошие зубы для рабов, слишком прямые спины, которые они лишь недавно научились гнуть. И у многих на этих свежесогнутых спинах – следы кнута.

В прежние времена я бы сказал: сломать можно всякого. Теперь знаю, что это не так. Попробуй-ка сломать Медвежонка! Ломалка хрустнет. Даже за Вихорька я спокоен: этот, может, и прогнется, но не сломается. Пара лет на одной палубе с викингами, в брызгах крови, своей и чужой... Хрен его теперь сломаешь.

В дальнейшем оказалось: прав я был насчет Вихорька. Но об этом – позже.

Но эти бывшие смерды – не воины. Их согнули.

– Мужей били всех, – говорит Быська. – Без всякой провинности били. Просто так. Днем, ночью, когда захотят. Глаза поднимет или голову... Находили за что.

С женщинами обходились иначе. Их не били – унижали. Не хочется даже пересказывать, как. Приучали к покорности. И приучили. Опыт что у княжских людей, что у работоторговцев немалый. Впрочем, я не стал бы упрекать их в жестокости. Время такое. Я видел, как приучают к покорности викинги. Эти не плеткой отходят, а живьем шкуру спустят и солью посыплют. Так что дружинники Водимира – они еще гуманные в сравнении с нашими.

Интересно, что будет, если мои надежды не оправдаются и в Ладоге я увижу того же Водимира.

Всякое может быть. Для правителя с такими амбициями и такими возможностями спихнуть Гостомысла и занять ключевое место – вполне реальное действие.

Что-то я проголодался. Подаю знак Вихорьку, тот командует одной из женщин, и минут через двадцать мне приносят очищенное от костей рыбье филе, обжаренное здесь же, на палубе. Неплохо устроились эсты: даже кухню оборудовали: «подстилка» из глины, а сверху – железная коробка с углями. В хорошую погоду вполне можно готовить.

Одной рукой рулю, другой ем рыбу, которую держит на бронзовом блюде холопка. Запиваю пивом, нацеженным из личного бочонка.

Солнышко светит, жизнь прекрасна. А главное – непредсказуема.

Глава 5

Ладога. Недобрая встреча

Неву прошли не без трудностей, но потерь не было.

Один раз нас обстреляли во время стоянки – ранили раба.

Другой раз Свартхёвди, отойдя по надобностям, изловил лазутчика: белобрысого лопухого парня, который не говорил ни по-словенски, ни по-скандинавски, зато обладал поистине скандинавской практичностью: попытался стырить отложенный в сторону воинский пояс Медвежонка. Попался, конечно.

Его мы присоединили к остальным рабам. Искать родичей, готовых выкупить клептомана, – недосуг. Сами найдутся. Паренек оказался полезным. Рыбу ловил – как медведи лососей, когда те на нерест идут. Одну за другой.

Ладога встретила нас замечательно – полным отсутствием волнения и безветрием. А еще парочкой драккаров, прошедших значительно севернее и слишком далеко, чтобы разобрать, чьи, поскольку паруса их были спущены.

Мы-то старались держаться южного берега озера, которое, как я помнил, местные называли озером Нево, потому что Свартхёвди боялся пропустить устье Мутной, то бишь Волхова, а эти шли открытой водой. Каждый из драккаров был раза в полтора крупнее «Северного Змея», и оставалось лишь радоваться, что нами они не заинтересовались.

Может, потому, что «дракона» с носа мы предварительно сняли и белый щит на мачту подняли?

Волхов мы не пропустили. И Ладогу-Альдейгю – тоже. Ее трудно было пропустить, поскольку миновать пороги можно было только через волок. Ну да мы пока что дальше идти не собирались.

Ага! А Ладога-то расширилась. Вроде бы еще один терем появился неподалеку от главной крепости, и домов стало побольше. Да и на другом берегу тоже что-то такое... Типа укрепления.

И кораблей изрядно. Не Роскилле, конечно, но, пожалуй, немногим меньше, чем на пристанях столицы норвежского конунга Хальфдана Черного.

А вот с местом тут посложнее, чем в норвежском фьорде. Там-то хоть на рейде можно остаться, а здесь вторым рядом не очень-то «запаркуешься».

Однако я уже знал, как решаются подобные проблемы. Так что наши корабли неторопливо двинулись вдоль берега, где под невысокой кручей теснились разного калибра суденышки.

Углядев подходящее место, занятое какими-то рыбачьими шаландами, я крикнул Свартхёвди, чтоб притормозил, и принялся договариваться. Щепотка серебряных монет, и освободилось ровно столько места, чтобы втиснуться «Северному Змею». Трофейный кнорр пристроился позади. Перебросили сходни с борта на борт.

– Что дальше? – спросил Медвежонок.

– Пошли князю представляться, – сказал я. – Надеюсь, он нас не забыл?

Медвежонок пожал плечами. Несколько лет прошло. Это по здешним меркам – много. Кто поручится, что и сам князь Гостомысл – жив?

– Хавгрим, мы уходим, – сообщил я. – Ты – старший. На берег никого не пускать, этих, – кивок на трэлей, – тоже.

– Само собой, – пробасил дан. – Если спрашивать будут, что отвечать? Или сразу – бить?

– Вот драки не надо. Скажешь: старшие ушли к князю. С подарками.

Кстати, о подарках: Хрёрек Гостомыслу в свое время меч подарил, но на мой взгляд – это слишком жирно. На первый раз и кинжала хватит. И отрез шелка – женской родне в подарок.

– Квашак! С нами пойдешь. Вот это понесешь! – Я вручил ему завернутые в кожу подарочки. Самому тащить – несолидно.

Пока шли вдоль берега, я приглядывался к кораблям. Штук пять было точно нашей, скандинавской работы. Но без парусов, без носовых фигур мне их было не опознать.

Медвежонок тоже не нашел знакомых. Но сказал, что корабли северной сборки здесь всегда были. Причем свейских и норегских больше, чем наших, датских. Просто потому, что от нас сюда плыть дальше.

Глядели на нас с интересом: мы с Медвежонком – колоритные. Народ же нам навстречу попадался по большей части мирный, хотя ножи на поясах почти у всех. Свободные, значит.

Но не все. Вот рядом с вместительным кораблем, похожим на наш трофейный, кучка явных трэлей. Расположились прямо на земле вокруг котла, хлеблют что-то. И надсмотрщика за ними я что-то не вижу. Вообще воинов не вижу.

Зато прямо под кручей – небольшой рыночек. В основном жратва. Может, прицениться?

Не успел. Мы поравнялись с «таможней». Понятно, она была у «парадного входа». Прямо над нами – главные ладожские укрепления. Наверх – удобная лестница. У воды – три нормальных причала. К одному из них пришвартовался драккар Хрёрека, когда я впервые увидел этот город.

Сейчас эти козырные места свободны. Знал бы – сюда бы и подошел. Тут только одно судно стоит, и явно здешней работы: вместительное, с высоченными бортами и какое-то... неуклюжее, что ли?

Я б на таком в море выйти не рискнул.

– Кто такие?

Ага. «Таможенники». Ничего так, справные парни. Плечистые, бородатые, в козырных куртках с бляшками. Вооружение скромное, но качественное: щиты, копья, топоры. Лидер помоложе и прикинут получше – с мечуганом. Бородка расчесана, шлем красивый, полированный. Пижон. Я бы на его месте сверху платок намотал. Солнышко-то – греет!

Наши шлемы на поясах висят. Драться мы не собираемся, пусть гривы проветрятся.

– Даны, – ответил я спокойно, но подумал, что «таможенник» мог быть и повежливее. Видит же, что непростые люди. И корабли наши наверняка срисовал. – Я – Ульф Свити, Белый Волк, по-вашему, а это – Свартхёвди, сын Сваре по прозвищу Медвежонок.

– Что хотите? Что на продажу?

Даже не представился. Пижон и наглец. Сынок чей-нибудь, не иначе.

– Пока поглядим просто. Там видно будет.

Пижон сказал что-то своему подручному, и тот отправился вдоль берега – на корабли наши вблизи полюбоваться. На палубу-то его точно не пустят.

– Десятую долю князю! – заявил пижон. – Без разницы – дальше пойдете или здесь расторгуетесь.

– Изрядно, – заметил я. – И давно так?

– Для тебя, дан, – всегда! – отрезал «таможенник».

Свартхёвди оскалился. По-словенски он понимал с пятого на десятое, но интонацию ловил отлично. Скрестил руки на груди так, чтобы татуировку было видно.

Нет, не понял пижон. Надо полагать, никогда раньше с берсерками не встречался.

Я молчал. Этот – тоже. Громко топая, примчался подручный. Очень взволнованный. Сразу забубнил на ухо начальнику.

У того сразу на роже написалось: Вот! Я так и знал!

– Вы, даны, уже и здесь поразбойничать успели! – строго произнес он. – Здесь у нас – не там! Ответите по правде!

– Значит, мы, по-твоему, разбойники? – вкрадчиво поинтересовался я. – А почему так решил?

– А кто ж вы еще, если захватили сnekку Виитмаса Щеки?

– А вот это, человече, я буду говорить не тебе, а твоему князю! – Моему терпению пришел конец.

– А не много ли ты о себе возомнил, дан? – заорал пижон, хватаясь за меч, но еще не настолько потеряв разум, чтобы достать его из ножен. – С каким это еще князем ты будешь говорить?

– А у вас их много, князей? – осведомился я, тоже опуская руку на оголовье меча. – Когда я был тут в прошлый раз, вроде один был. Гостомыслом звали. Ныне что, другой? И кто же, хотелось бы знать?

Ну да, я не очень-то надеялся услышать заветное имя. Более опасался услышать другое: Водимир. Это было возможно, учитывая то, что я узнал от Быськи.

Тогда – полный крах моих надежд во-первых, а во-вторых – очень щекотливая ситуация, из которой, пожалуй, выбраться будет нелегко.

Ни один князь не останется равнодушным, узнав, что какие-то посторонние убили его делового партнера, пусть даже тот и повел себя неправильно. Есть свои, а есть чужие. Когда чужие убивают своих, им это сходит с рук, только если за ними стоит реальная сила. А за нами сейчас таковой не наблюдалось.

– Узнаешь, когда на правез встанешь! – отрезал пижон. И своим: – Забрать у них оружие!

– Возьми, если сможешь, – очень вежливо произнес я. А чтобы «таможенник» не обманулся моей вежливостью, упер ему под подбородочный ремешок Вдоводел. Пижон даже дернуться не успел.

За моей спиной прошелестело: это выскользнул из ножен меч Медвежонка. Он встал рядом: меч – в правой, левая уже нахлобучила подбитый войлоком шлем, улыбка такая неприятная, что подручные пижона невольно подались назад. Очко-то не железное.

– Что ж ты больше ничего не приказываешь, малыш? – поинтересовался я. – Что-то с горлышком, да? И как тебе мой меч? Ты, малыш, даже не представляешь, что я могу с ним сделать. Могу, к примеру, язык тебе подрезать. Снизу. Чтоб вежливости научить. Хочешь?

Пижон молчал. И не потому что говорить было неудобно – я к его шейке едва прикасался.

– Страшно, да? – участливо спросил я. – Так ты не держи в себе. Напрудь в штанишки. Сразу полегчает. Что страдать-то перед смертью?

Нет, убивать я его не собирался. Я не слабоумный: убивать представителя власти на глазах его подчиненных и, что еще важнее, ввиду стен княжеской резиденции. Кто бы ни был здесь князем, за своего он спросит со всей строгостью. И еще: я был почти уверен, что за нами наблюдают. Не может быть, чтобы в крепости не было дозорных. И уж совсем сомнительно, что эти дозорные не заметят нашей маленькой демонстрации силы. Глядишь, и появится кто-нибудь поумнее. Или достаточно сообразительный, чтобы понять: да, с нами можно разобраться. Но цену мы за себя возьмем такую, что мало не покажется.

Ага! Я был прав. Вон бегут! Вприпрыжку. Штук десять бойцов, а впереди...

А впереди – варяг! Точно, варяг! Очень характерные усики!

Блин! Мне как-то сразу полегчало. Пусть этот варяг может быть просто случайным наемником местного князя, кто бы он ни был, но варяг – это варяг. Не может он не знать Ольбарда и Трувора, а мы с ними, считай, были братьями по палубе. И не хочется думать, что – были...

Варяг! Вдобавок – обоерукий: вон, два клинка в руках. Лицо вроде незнакомое... Или – нет?

– Волк! – еще издали закричал варяг по-скандинавски, вбрасывая клинки в ножны. – Медвежонок!

Команда у него за спиной сразу затормозила.

Я тут же убрал клинок, прищурился, пытаюсь узнать: кто же это?

И наглый пижон немедленно потащил наружу меч...

Достать не успел: варяг отпихнул его довольно невежливо и сграбастал метровыми ручищами. Одной – меня, другой – Медвежонка.

– Братья!

И тут я его узнал. Харра Стрекоза. Надо же как заматерел. Усы отрастил!

У меня уже улыбка до ушей. Прав я, прав оказался! Или – нет?

– Хрёрек? – спрашиваю. – Как он?

– Поправляется. – И тут же, настороженно: – А ты откуда знаешь?

– Догадался. Он же меня еще во Франции на праздник сюда, в Ладугу, пригласил. Я запомнил. Хотя что за праздник, до сих пор не знаю.

Харра глянул на Медвежонка, потом спросил по-русски, вернее, по-словенски:

– У вас там еще кто-то знает, что Хрёрек – в Ладуге?

Я покачал головой. Харра повеселел.

– На праздник ты опоздал! – сообщил он. – Но Хрёрек тебе будет рад. Только учти: его теперь на наш лад зовут, Рюриком. Запомнишь?

– Уж как-нибудь, – отозвался я. Еще бы я не запомнил это имя. Вот значит как оно оборачивается. Ну, поглядим.

– Эй! – крикнул нам вслед пижон в полированном шлеме. – Куда ты его ведешь, Стрекоза? Он – разбойник! Его надо задержать и на правеж!

– Ого! – Харра мгновенно развернулся. – На правеж? Уж не с тобой ли, Бобрёнок?

– Он корабль захватил! – стоял на своем пижон. – Не знаю, кто он тебе, а разбойничать никому нельзя! А он корабль захватил. Снекку Виитмаса Щеки! Так же нельзя! – Пижон совсем распереживался. Даже когда я ему жало под бородку сунул, и то не так волновался. Покраснел, губы дрожат... Кажется, вот-вот заплачет.

«А ведь он – совсем мальчишка, – подумал я. – Года на два старше моего Вихорька».

– Было дело? – спросил по-скандинавски Харра, оборачиваясь ко мне.

– Еще какое, – усмехнулся я. – Плыли себе, никого не трогали, и тут – этот работоторговец навстречу. И без лишних слов – на нас.

– Вот так уж сразу и напал? – усмехнулся Харра.

– Он думал, что умеет считать, – вмешался Медвежонок. – Думал: всё правильно сосчитал: нас тринадцать, включая отца Бернара, которому, как ты помнишь, его бог убивать не велит. А их – три десятка. Так он посчитал. И ошибся.

– А в чем ошибка? – Харра был заинтригован. – У вас в трюме засада была?

– У нас совсем небольшой драккар, – сказал я. – И трюма вообще нет.

– Тогда в чем ошибка?

– А считать надо было не так, – ухмыльнулся Медвежонок. – Десять хирдманов и два воина Одина!

– Два? – Харра сразу напрягся, а я вспомнил, что варяги не очень-то доверяют берсеркам. И есть причина. Подавляющее большинство воинов-оборотней – это не столько подмога в бою, сколько огромный гемор во всё остальное время. – Одного я вижу, а где второй?

– Им бы и одного меня хватило, – самоуверенно заявил Свартхёвди. – А второй – брат мой, Хавгрим Палица. Ты его не знаешь. Но узнаешь, придет время. Бойся нас, Стрекозенек! – зарычал страшным голосом, что Харру явно не успокоило.

Его успокоил я.

– Хавгрим – мой человек, – сказал я. – Я оставил его присмотреть за кораблями. И еще: он спускает своего зверя, когда сам пожелает, а не наоборот. Если никто не станет нападать на нас, насчет Хавгрима можешь не беспокоиться.

– В этом не сомневайся! – буркнул Харра. Он больше не улыбался. – Бобрёнок! Эти люди, – кивок на меня и Свартхёвди, – близкие друзья князя Рюрика. Ты понял? Очень близкие друзья, почти родичи. И если кто-то тронет их людей или то, что им принадлежит, я лично приглашу тебя на перекресток! Ты понял меня,

Бобрёнок?

– Моему князю Гостомыслу это не понравится, – пробормотал пижон, смиряясь.

Но Харра его уже не слушал, почти бегом устремился вверх. Мы – за ним.

– Слушай, а почему Бобрёнок? – спросил я на ходу.

– Тестя его Бобром зовут. Ближник он у Гостомысла. А этот – на дочке его женился. Вот тесть его к Гостомыслу и подвел. Сам-то он ничего, Бобрёнок, с пониманием. Но сегодня его первый раз на пристань поставили. Старшим над мытниками. А тут вы... Вот он и растерялся. Вы зла на него не держите. Как ему велели, так он и делал. Зеленый совсем, как... – Харра задумался и заключил: – Как сопля.

– Если б мы зло на него держали, Стрекозка, его головенка уже лежала отдельно от тельца, – сообщил Свартхёвди. – Ты лучше скажи: что это за праздник, на который мы опоздали?

Глава 6

Княжья пирушка

Хоромы Хрёрека-конунга, вернее князя Рюрика, выглядели не столь солидно, как расположившийся прямо над пристанью теремок князя Гостомысла.

И размер поскромнее, и оградка пожиже. А вот внутри, склонен думать, у Рюрика было покруче. Вряд ли стены Гостомыслова кремля украшали французские гобелены и заимствованные в Луне золотые статуэтки. Разве что сам Хрёрек ему и подарил.

Увидев конунга, нет, теперь уже князя, надо привыкать, я сразу понял, почему Харра сказал: «поправляется».

Понял, когда Хрёрек поднялся и пошел нам навстречу. Двигался он как-то скованно. Нет, не горбился и не хромотал, но как будто заново учился управлять своим телом. Мне это состояние знакомо: я сам уже дважды, считай, заново учился пользоваться правой рукой.

А еще он сбрил бороду. Теперь его украшали только длинные усы. На варяжский манер.

– Рад видеть тебя, Медвежонок! И тебя, Ульф Черноголовый!

– Свити, – поправил его мой побратим. – Теперь его зовут Ульф Свити!

– Белый Волк? Звучит неплохо.

Он обнял нас: сначала Свартхёвди, потом – меня. Кое-какая сила у него в руках была, что радовало. Для меня Хрёрек был эталоном воина и вождя. Видеть его инвалидом было бы чертовски обидно.

– Нашли, значит!

– Он нашел, – ткнул в меня пальцем Медвежонок. – Я, клянусь бородой Тора, даже и не думал, что этот мелкий хёвдинг приведет меня к тебе. До сего времени молчал! Вздуть бы его, да нельзя: старший брат.

Хрёрек расхохотался.

– Ты меня звал в гости, я пришел... И врать не буду: рад видеть тебя живым и здоровым! – Улыбка так и не сходила с моего лица. Когда-то Хрёрек был для меня недостижим, как небожитель. Сейчас...

Может, как старший брат. Что-то очень теплое. Совсем не то, что – с Рагнармом и сыновьями.

Тут я вспомнил, но спросить не успел.

– Что я жив, за то богов надо благодарить и вот их, – кивок в сторону Харры. – На руках меня несли. Ульфхам грудью закрыл, когда щит разбили...

– Он выжил, Ульфхам, – сказал я. – Мы заглядывали к бонду, который его выхаживал. Его дочь до сих пор по Ульфхаму сохнет. И папаша не против. Небедный, кстати, папаша.

– Еще бы ему быть бедным! Столько за меня взял, что на дюжину хватило бы! – В дверях стоял Ульфхам Треска собственной персоной.

Обнялись.

– Мне говорили, ты приходил к нашим в Хедебю, – сказал Ульфхам. – Но Хедин Морж сказал: тебе нельзя верить.

– Почему это? – возмутился я.

– Ты пришел на корабле Мурхи Лиса, а о нем известно, что он – человек Ивара, – рассудительно произнес Ульфхам. – И о тебе говорили то же. Как можно доверять тому, что служит Рагнарсонам?

– А сейчас мне, значит, доверять можно? – произнес я с вызовом. Не то чтобы я не понимал логику Трески... Но она мне не нравилась.

– Ты пришел, а драккаров Сигурда Змееглазого я что-то не вижу.

– Ну, один из его драккаров ты точно мог видеть, – бросил я камешек наугад.

Хрёрек и Ульфхам переглянулись.

– Сигурд знает? – спросил конунг.

Я мотнул головой:

– Ему сказали, что это кто-то из Асов позаимствовал его драккар.

– И он поверил?!

– Настолько, что даже лишил жрецов Оденсе ежегодного пожертвования.

Ульфам и его конунг развеселились. Треска прикрыл глаз ладонью и произнес инфернальным голосом, обращаясь к Медвежонку:

– Сколько ты убил во славу мою, берсерк?

– Ты пошути – и еще одним шутником в Валхалле станет больше! – пообещал Свартхёвди.

– Не хочу тебе лгать, князь, – сказал я по-словенски, – но Ивару Бескостному я должен. Он здорово помог мне, когда возникла нужда. Я поклялся, что приду по его зову и встану под его знамя против любого врага, если это будет не мой родич или не тот, кому я поклялся в верности.

– Тогда почему ты здесь? – куда менее радушно, чем раньше, произнес Хрёрек.

– Я искал тебя. Хотел убедиться, что ты жив, и не нужна ли тебе моя помощь, – ответил я. – И, не знаю, помнишь ты или нет, но я когда-то клялся тебе в верности.

– Я помню, – сказал конунг. – Но время идет, и клятвы забываются.

– Не мной, – возразил я. – Я здесь, и ты можешь на меня рассчитывать.

– А что же Ивар Рагнарсон?

– Пока он меня не звал. И ты должен понимать: я не так силен, как ты, чтобы ссориться с сыновьями Рагнара. Кроме того, моя жена и моя новая родня живут на Сёлунде.

– Я понимаю, хёвдинг, – по-скандинавски ответил Хрёрек. – Но всё же не понимаю, почему ты здесь? Ты приехал торговать? Или служить мне?

– Если примешь, – ответил я, – мы – твои. Но пока моя и его родня, – кивок на Медвежонка, – живут на Сёлунде, – против Рагнарсонов мы не пойдем. Ты должен это знать.

– А если Рагнарсоны придут сюда, что ты сделаешь?

– Я не стану сражаться, – ответил я честно. – Ни с ними, ни с тобой. Берешь ли ты меня, князь Рюрик, на этих условиях обратно в свой хирд? – спросил я, покосившись на Медвежонка. Как только мы перешли на его родной язык, он перестал трепаться с Треской и слушал очень внимательно.

– Беру, – не задумываясь, ответил Хрёрек. – Возможно, вскоре я сумею предложить тебе что-то лучшее, чем твоя земля на Сёлунде.

– У него прекрасная земля! – вмешался Медвежонок. – И у меня – тоже. Вряд ли здесь, в Гардарике, найдется что-то получше. Но раз мой брат решил пожить здесь, я тоже к нему присоединюсь. До конца лета уж точно! Думаю, таким, как мы, здесь найдется, чем поживиться!

– Грабить нельзя! – мгновенно отреагировал Хрёрек. – Купцов обдирать – тоже. Всё, что идет по Ольховой в Нево и дальше, в море – под моей защитой! А то знаю я вас!

– Одного купчишку они уже выпотрошили, – наядбедничал Стрекоза.

– Вот как? – нахмурился конунг. – Кого?

– Виитмаса Щеку. А еще он едва не отправил в Ирий маленького Бобрёнка.

– Бобрёнка? – еще больше нахмурился Хрёрек. – Его-то за что?

– Хотел их с Медвежонком в поруб посадить.

– Вот дурень! – в сердцах ругнулся конунг. – Крови не было?

– Я поспел вовремя, – заверил Харра. – Развел.

– Всё равно тесть будет недоволен, – пробормотал Хрёрек. И нам: – Рассказывайте, как было дело?

– Что? – возмутился Медвежонок. – Вот так, всухую? Мы только с палубы сошли, а ты нам даже пива не предложишь? Не узнаю тебя, конунг! Раньше ты был щедрее!

– Ты прав, – согласился Хрёрек. – Харра! Распорядись, чтобы нам принесли выпить и поесть что-нибудь.

Но Стрекоза выполнять команду не торопился.

– Княже, я бы посоветовал пригласить за стол не только этих двоих, а еще и того, что остался на палубах, – сказал он.

– Успею, – отмахнулся было Хрёрек, но сообразил: сказано не просто так, и всё же поинтересовался: – Почему?

– Там у них еще один... Воин Одина, – сказал Харра. – Волк за него поручился, но... Всё же это воин Одина. Как бы не вышло нехорошего.

Хрёрек задумался ненадолго, потом спросил:

– Сколько у тебя людей, Белый Волк?

– Кроме нас с братом, одиннадцать. И десятка два трэлей, что мы забрали у эста.

– Этот – один из них? – Хрёрек показал на Квашака, переминавшегося у дверей.

– Этот уже свободный, – ответил я. – А держит он, кстати, подарки для Гостомысла. Для тебя, прости, ничего. Я же не был уверен, что встречу тебя здесь, – развел я руками.

– Но будут, будут подарки! – вмешался Медвежонок. – Мы – люди не бедные, конунг. С пустыми руками в гости не ходим!

– Подарками после обменяемся, – сказал князь. – Харра, вели отрокам, чтобы накрывали большой стол в трапезной, и сходи за его людьми. Скажи: конунг на пир приглашает. Есть там кто-то, кто знает Харру? – спросил меня Хрёрек. Но вместо меня ответил Медвежонок:

– Многие знают, – пробасил он. – Но лучше я сам с ним схожу. Хавгрим его всё равно слушать не станет.

И вышел вслед за Харрой.

– Хавгрим – это тот, второй берсерк? – спросил Хрёрек.

– Да. Знаю, ты их не любишь, но он – мой человек... И мой друг. Если ты принимаешь меня, то и моих людей – тоже.

– Это понятно, – кивнул конунг. – Но отвечаешь за него ты!

– Это тоже понятно... Конунг! – Я наконец задал вопрос, который давно меня мучил: – Кто еще выжил?.. Из наших?

– Немногие, – вздохнул Хрёрек. – Только те, кто шел со мной на «Соколе».

– Ольбард? Трувор? Руад? Рулаф? – начал перечислять я.

– Живы, – успокоил меня Хрёрек. – Варяги все живы. И Витмид, и Руад с Рулафом...

Хрёрек перечислял живых и тех, кто погиб, и я понимал, как мало осталось у него людей после той битвы. Многих убитых я не знал: это были те, кого конунг набрал позже, после похода на франков. Зато каждый знакомый среди выживших – радовал. Уцелели и Оспак Парус, и Витмид, хускарл, с которым меня вместе принимали в дружину... Но погибших было намного больше. Если сравнить с моими собственными потерями, то пропорция, в общем, такая же. Радует, что уцелели варяги. Ближе них у меня в дружине Хрёрека никого не было. Ну разве что Медвежонок со Стюрмиром, но они и сейчас со мной.

– А где они сейчас, варяги? – спросил я.

– На Нево ушли. Там, весть пришла, озорует кто-то.

– Уж не о нас ли? – поинтересовался я.

– Нет. Кто-то чудинов наших пограбил. Не из северных людей, поближе.

– У меня в добыче и чудин есть, – сообщил я. – Медвежонка обнести вздумал – и попался.

Конунг хмыкнул.

– Я его тебе подарю, – пообещал я. – А там уж сам разбирайся, тот это чудин или нет.

Хрёрек поглядел на меня пристально:

– У тебя не только имя изменилось, Ульф Свити, – сказал он.

– Да, – согласился я. – Много было.

Говорить не хотелось. Зачем омрачать встречу?

Конунг хотел еще что-то, но тут в покои ввалился паренек и сообщил, что стол накрыт.

– Княгиню звать? – спросил он.

– Зови, – разрешил Хрёрек.

– Это и есть тот праздник, на который мы опоздали? – спросил я.

– Невелик праздник, если жених не то что невесту, а полный рог поднять не может, – буркнул Хрёрек. И я воздержался от дальнейших расспросов.

За накрытым столом сидело семеро мужчин боевого вида. Двоих я знал: Сигвада и еще одного, но не помнил, как его зовут. Остальных видел впервые. Семеро мужчин и одна женщина. Когда конунг вошел, мужчины встали. Женщина осталась сидеть.

Шумной толпой ввалились мои, возглавляемые Харрой.

Начался процесс представления.

Я начал с Хавгрима Палицы. Объявил его как хольда с правом на две доли.

Хрёрек смотрел на него так долго, что даже я пару раз сморгнул. Хавгрим даже веком не дрогнул.

– Берсерк, – наконец проворчал Хрёрек. – Ульф за тебя поручился.

– Если надо – я тоже за него поручусь, – гулко, как из бочки, бухнул Палица.

Хрёрек не понял. Насчет моего Волка он был не в курсе.

– Добро.

Что такого компрометирующего пытался высмотреть в глазах Хавгрима конунг, я понятия не имел. Но, видать, не высмотрел.

– Мой сын, – представил я Вихорька. – Ты, конунг, уже с ним знаком, но вряд ли вспомнишь.

Хрёрек прищурился... и выдал:

– Пастушок?

– Точно в око! – засмеялся Медвежонок.

– Воин! – одобрил Хрёрек. И спросил по-словенски: – Отроком ко мне пойдешь?

Вихорёк вопросительно поглядел на меня.

– Отрок – это наш дрёнг? – уточнил я.

– Вроде того.

– У меня он – хускарл.

Тут я серьёзно преувеличил, но почему бы не отжать для сына лучшие условия?

– Проверим, – серьёзно ответил Хрёрек. – А эти молодые? – Он показал на Хавура и Тови.

– Дренги мои.

– Проверим.

– Меня тоже проверишь, конунг? – поинтересовался Гуннар Гагара.

– Как-то ты отощал, норег, – ухмыльнулся Хрёрек. – Кормит тебя плохо Ульф-хёвдинг?

– Если ты о мясе, то да, не очень кормит, – в свою очередь ухмыльнулся мой норег. – Всё больше золото да серебро.

– Был у меня родич, – сказал Хрёрек, – тоже из Инглингов, и тоже норег, как ты. Хальфдан-конунг. Его так и звали: Щедрый На Золото И Скупой На Еду. Раньше ничего такого я за тобой не замечал, Ульф Хвити.

– Это не я, – тут же ускользнул я от ответственности. – Провиантом ведает мой брат.

– Этот норег просто слишком много жрет! – заявил Свартхёвди. – Зря, что ли, его Гагарой зовут!

– Стюрмир!

– Конунг!

Они обнялись.

Не удивительно. Когда я пришел к Хрёреку, тот именно Стюрмиру поручил проверить, чего я стою. И Стюрмир уже тогда был хускарлом. Не в один вик они с Хрёреком ходили вместе.

– А это, – сказал я, – мой хускарл и скальд Тьёдар Певец. Хороший воин, но сразу предупреждаю: если он еще раз исполнит при мне драпу о Волке и Медведе, я могу его убить!

– Пой, Тьёдар, не бойся! – тут же заявил Медвежонок. – Я подержу брата, пока ты споешь, и еще немного, чтобы ты успел отбежать подальше. Бегают мой брат скверно, так что вряд ли догонит. Этой драпой, – пояснил конунгу побратим, – певец когда-то купил жизнь. Свою. У меня.

– Тогда я непременно желаю ее выслушать! – заявил Хрёрек. – Это должно быть что-то особенное, ведь, насколько я помню, раньше ты стихами не интересовался.

– Так раньше про меня никто стихов и не сочинял! – парировал Медвежонок.

Остались еще Скиди и отец Бернар, но последний со мной на службу конунгу не записывался. Он – сам по себе, на нашем внутреннем довольствии, а двух «цветных» братьев я оставил на кораблях. Заодно и за трэлями присмотреть, в чем им должны были помочь Быська и Квашак.

Пленного лопоухого воришку приволокли с собой. Предъявили Хрёреку. Тот в очередной раз подтвердил свои знания полиглота: заговорил с лопоухим на его языке, выслушал сбивчивый рассказ, рявкнул строго и указал на меня. Лопоухий сник, а конунг сообщил уже по-словенски:

– Он – чуждин. Вину свою признал полностью. Просит отпустить под честное слово за выкупом. Я бы отпустил, но решать – тебе.

– Да пусть так бежит, – проявил я щедрость. – Украсть он ничего не смог, а страху и так натерпелся.

– Не пойдет! – отрезал Хрёрек. – Урок должен быть. Ты теперь – мой, значит, я сам назначу выкуп, и пусть отправляется. Они – люди честные по-своему.

Вернется и принесет.

Перевел лопухому. Тот засиял от счастья, бухнулся на колени, стукнул лбом об пол, потом вскочил и умчался.

– А это – жена моя Светозара Гостомысловна, – наконец-то представил конунг восседавшую во главе стола женщину.

Светозара красотой не блистала, но была вполне миловидна. Насколько можно было судить, учитывая нацепленную на нее одежду и украшения, а также гигантский головной убор, в котором была сделана небольшая прорезь для румяного личика.

Я с подобающими жестами поднес ей отрез ткани, предназначенный для Гостомысловой родни. А вот кинжал пока поберег. И не зря. Не успели мы опрокинуть и пары чаш, как в наш уютный мир ворвался Гостомysl. Со свитой.

За те три с хвостиком года, что я его не видел, князь Ладожский заметно поседел и обрюзг. Судя по нездоровой желтизне, его мучила какая-то внутренняя болезнь. Но голос у князя был по-прежнему зычный.

– Что это за люди? – крикнул он прямо с порога.

Как невежливо, однако. Но Хрёрек и бровью не повел.

– Прошу за стол, отец, – произнес он вполне добродушно. – Подними с нами чару, и я представлю тебе моих людей. Да ты, может, и сам вспомнишь. Кое-кто из них не раз бывал у тебя в гостях.

Гостомysl, насупясь, оглядел нас, зацепился за Стюрмира, потом за Медвежонка... Меня он не помнил.

– Садись, отец! – настаивал Хрёрек, перейдя на скандинавский. – И люди твои пусть присаживаются, места хватит. Всё узнаешь, не сомневайся. И песню добрую услышишь. Это вот хёвдинг мой, Ульф Свити, и привел он с собой скальда, что у конунга данов за столом не раз пел.

– И у многих других конунгов! – спесиво заявил Тьёдар. – Нигде без подарка не оставался!

Кстати, о подарках.

– Позволь, князь, вручить тебе подарок небольшой, что привез я из дальних стран, где кожа у людей чернее, чем нос у собаки! – солидно произнес я по-словенски и с поклоном протянул Гостомыслу кинжал.

Тот принял, оглядел придирчиво, процедил:

– Работа хороша, вижу. А хорош ли в бою?

«Да неужели ты еще сам в бой ходишь?» – мысленно усомнился я. Видок у князя был не слишком боевой. Ну да я его не знаю. Может, и ходит.

– Свартхёвди, покажи, – попросил я.

Медвежонок принял у Гостомысла, ухмыльнулся... И вдруг со страшной силой метнул в щит одного из Гостомысловых стражей. Тот даже дернуться не успел. Бам! – и из верхнего края щита торчит вошедший в него на две трети кинжал.

Я поглядел на ошеломленного бойца. На роже было написано: на пядь бы выше – и мне трындец!

– Щит князю покажи! – рявкнул я.

Вот что значит командный голос. Боец даже не задумался о том, могу ли я отдавать ему приказания. Подошел и показал.

Кинжал пробил кожу и расщепил доску основы. Отличный бросок. Я на такой не способен, потому и попросил Свартхёвди.

Гостомысл без труда извлек оружие, оглядел придирчиво, улыбнулся:

– Доброе железо!

Я бы сказал: превосходная сталь, но князей не поправляют.

Дело налаживалось. Хрёрек уступил князю собственное место, сам занял место жены, а той подали третье кресло. А вот людям князя пришлось устраиваться подальше. После нас. Я бы, может, и уступил, но поймал взгляд Хрёрека и чуть заметное движение головы и знаком показал своим: не вставать. Тем более что люди конунга по другую сторону стола тоже не оторвали задниц от скамьи.

Пришлось Гостомысловым ближникам, или кто там с ним пришел, пристраиваться за моими дренгами.

Выпили за здоровье Гостомысла. Закусили. Выпили за здоровье князя Рюрика. Закусили. Выпили за здоровье княгини и ее благополучное разрешение от бремени. Закусили. Выпили и закусили просто так.

И только после этого Хрёрек очень вежливо попросил меня поведать о том, как подло напал на нас эстский работоровец.

Я поведал. Упирая на то, что только полный идиот может напасть на таких, как мы, не имея численного перевеса хотя бы впятеро. О берсерках не упомянул.

Гостомысл поинтересовался, есть ли свидетели?

«Какие свидетели?» – удивился я. Мы, даны, когда начинаем убивать, то не успокоимся, пока не устроим всех врагов. Рабов мы, конечно, не тронули, но у нас как-то не принято принимать свидетельства рабов. Правда, вспомнил я, есть и один свободный. Я освободил его, потому что знал, что это – свободный человек. Его отец когда-то оказал мне гостеприимство, а я добро помню. И вообще у нас на Сёлунде если кто-то без должного основания обратит человека в рабство, то, если об этом узнают, наказание будет сурово. Не знал, что здесь, на земле Гостомысла, – иначе.

– Ты слишком хорошо говоришь на нашем языке для дана! – заявил князь в ответ на претензию в негуманности.

– Я некоторое время жил там, где говорят на вашем языке, – сказал я, переходя на скандинавский, который, как я понял, Гостомысл понимал отлично. – А на

Сёлунде у меня земля, дом, жена и много работников. Я – не бедный человек и славы немалой (хвастаться здесь принято, это норма), и с Рагнаром-конунгом в дружбе, но Хрёрек-конунг дорог мне, и я услышал, что ему нужны верные люди. И вот я здесь.

Отличная речь, как мне показалось.

Хрёрек одобрительно кивнул.

– Что за человек, которого сделали рабом? – спросил Гостомысл.

Я рассказал о Квашаке. И о том, что сделали люди князя Водимира с его семьей.

– Этот человек – здесь? – резко спросил Хрёрек.

– Да, – четко ответил я. – Послать за ним?

Конунг знал мой ответ и видел Квашака. Следовательно, вопрос задан для Гостомысла. И тот линию уловил.

– Эти люди не были моими данниками, – проворчал он.

– Но они не были и данниками Водимира! – заявил Хрёрек.

– Я не могу защищать тех, кто не мой! – возразил Гостомысл, и я понял, что спор этот возник не сегодня.

– Люди, которых Водимир делает своими холопами, и люди, которых он продает эстам, свободные люди! – не сдавался конунг. – Раньше они торговали с нами, мы богатели и становились сильнее. Теперь сильнее становится Водимир. Если не дать ему укорот, то придет день, когда он явится сюда и сделает своими холопами нас!

– Так уж и холопами, – пробормотал Гостомысл.

Он не хотел спорить. И драться он тоже не хотел. И еще я видел: у него что-то болит внутри, и боль эта мешает князю думать.

– Ты говорил, что твой скальд хорош, – сменил тему Гостомысл. – Пусть он споет нам. Я давно не слышал ваших сказителей.

Тьёдар тут же полез за своей музыкальной доской, а я сжал кулаки и постарался притупить слух. Драпа о Волке и Медведе. Убил бы!

Ну да, всем понравилось. Как всегда. Мои бойцы так даже подпевали. Медвежонок прям-таки источал самодовольство.

«Это я! Я! Это всё про меня!» – было написано на его квадратной физиономии.

Тьёдара поощрили. Кубок поднесли, Гостомысл колечко подарил. Потребовали «на бис!».

Но скальд двинулся дальше.

– Новая драпа! – провозгласил он. – О величайших героях, которые вдесятером встали против целого войска Мьёра-ярла из Сконе, причем одной из десятих была женщина-воитель, прекрасная Гудрун, дочь Сварё Медведя.

Ого! Этого даже я не слышал. И уже не экспромт – серьезная работа.

Впрочем, стиль Тьёдара остался прежним. Неумеренные преувеличения. Еще более неумеренные, потому что у скальда появилась возможность вплести в повествование себя. Надо ли говорить, что мы все убивали врагов десятками, а Гудрун по собственной инициативе вступила в бой с Мьёром-ярлом и двумя его лучшими воинами и прикончила всех троих. Медвежонок поначалу хмурился – его в драпе не было. Но появился и он. Как раз когда разъяренные гибелью ярла от руки женщины хирдманы Мьёра навалились на нас с особенной яростью. И тут – явление Свартхёвди Медвежонка во всей красе. То есть где щитом взмахнет – там проплешина и трупы штабелем, где клинком хлестнет, там просека на двадцать шагов, а отрубленные головы и конечности – во все стороны.

– Я знал Мьёра-ярла, – сказал Хрёрек, когда похвалы скальду начали стихать. – Твоя жена действительно убила его?

– Да, – сказал я. – Всадила ему меч в живот. И одного хускарла Мьёрова тоже убила, а вот третий убил бы ее, но, слава богам, одна из моих рабынь-англичанок помогла: разрубила ему шею топором.

– Выходит, твой скальд правду спел, – пробормотал конунг. – Надо же, Мьёра-ярла убила женщина! Хотя кто еще мог родиться от крови Сваре и Рунгерд? Только валькирия. Хотел бы я на нее взглянуть. Почему ты не привез такую воительницу с собой, Ульф?

– Эта воительница во время того боя потеряла ребенка, – сказал я. – А сейчас носит второго! Хватит с меня таких геройств!

– Я тебя понимаю, – кивнул конунг. – Жаль, что я не был на вашей свадьбе. Но подарок ей ты от меня отвезешь. Потом. Когда отправишься домой. Или, может, ты решишь поселиться здесь? Я получил от Гостомысла земли в приданое. Могу выделить тебе добрый надел.

– Отказываться не стану, – ответил я. – Но пока – не заработал.

– Коли так, то у меня есть для тебя поручение, – сказал Хрёрек.

– Только для меня?

– Для всех вас, – он кивнул на «нашу» часть стола.

– Слушаю тебя, конунг.

– Князь, – поправил меня Хрёрек. – Князь Рюрик, так меня здесь зовут.

– Думаешь, Рагнарсоны...

– Рюрик, – с нажимом произнес человек, называвший себя природным Инглингом. – Князь Рюрик.

Ладно, мне нетрудно. Хотя не думаю, что, если Сигурд докопается до того, кто схитил его драккар, новое имя собьет его с толку.

– Корабль, который ты взял у эста, я у тебя куплю, – сообщил Хрёрек. – Цену скажу позже, после осмотра. А за рабов, которых ты привез, я могу заплатить прямо сейчас. Скажем... Полмарки за голову.

Маловато, конечно. В Роскилле они стоили бы вдвое, а в Бирке – еще дороже. Но я же не собираюсь ими торговать.

– Добро.

– Погоди, побратим, – у Медвежонка нух на такие разговоры. – Конунг...

– Князь! – снова напомнил Хрёрек. – Рюрик.

– Можно ты пока останешься для меня конунгом? – попросил Свартхёвди. – Это ваше «Кнес» мне не выговорить. Мой брат, он очень добрый и очень щедрый, ты знаешь.

– Допустим, – согласился Хрёрек.

– Но еще есть я, которому приходится быть жадным и жестоким, чтобы наш род совсем не обнищал.

– К чему ты клонишь?

– К тому, что о цене корабля со мной будешь говорить. И учти: это очень хороший корабль. Крепкий и чистый. Один только его парус стоит...

– Довольно! – махнул рукой Хрёрек. – Я тебя понял, сын Сваре Медведя. Но полной цены ты от меня всё равно не получишь. Я знаю, что у вас не хватит рук на два корабля, так что продавать его вам придется. Не понравится моя цена – ищи других покупателей. Но сначала я должен на него взглянуть. А теперь...

– Я не закончил, конунг! – не слишком вежливо перебил Хрёрека Медвежонок. – О корабле мы поговорим позже. Но кое-что я хочу обсудить прямо сейчас.

– Говори, – буркнул Хрёрек, не скрывая недовольства. Почуял, что мой побратим собирается залезть к нему в кошель.

И не ошибся.

– Ты хочешь, чтоб мы потрудились для тебя, верно?

– Это было предложение Ульфа. Ты против?

– Нет. Но я хочу знать, что ты нам дашь за службу?

– Землю? – предложил ярл.

– Земля – это неплохо. Земля здесь богатая, но ты – не конунг всех словен. И кто-то может позариться на то, что ты дал.

– А разве у тебя больше нет меча, Свартхёвди Сваресон? – поднял бровь Хрёрек.

– А разве земля, которую я взял и обороняю собственным мечом, может считаться жалованной?

Вид у Медвежонка простецкий, но законы он знает и торговаться умеет так, что мне до этого уровня никогда не подняться.

– Чего ты хочешь, прямо говори! – потребовал Хрёрек.

– Пища! – заявил Медвежонок. – Столько, чтобы хватило нам всем, даже Гагаре.

– Место за моим столом для тебя всегда найдется, Медвежонок. Даже если ты не станешь мне служить.

– Благодарю. Но я – не один. И если нам потребуется ходить посуху или по воде, твой стол может оказаться слишком далеко. Пища на всё время, что мы тебе служим. Лошади и ремонт для кораблей, если потребуется. Еще за это лето ты заплатишь нам сорок марок серебром.

– Раньше ты не просил платы за то, что ходил на моем драккаре, – нахмурился Хрёрек.

– Раньше это был твой драккар и ты был вместе с нами, – напомнил Медвежонок. – Я попрошу богов за тебя, конунг (на этот раз Хрёрек не стал его поправлять), за то, чтобы ты снова вел нас на врагов. И когда это случится, мы по-прежнему будем просить лишь положенную долю добытого, верно, Ульф? (Я кивнул.) Но пока мы без тебя будем брать кровь твоих врагов и оборонять твои земли, – с нажимом произнес Медвежонок, – то было бы справедливо получать за это плату.

– Что ж, – подумав, согласился Хрёрек. – Да, это справедливо. Но так же справедливо будет отдавать мне десятую долю добычи, которую ты возьмешь на моих врагах, кормясь за моим столом.

– И это справедливо, – Медвежонок ухмыльнулся. – А еще я предпочел бы все лето жить у тебя в доме, пить твое пиво и слушать скальдов.

– Даже и не надейся! – усмехнулся Хрёрек. – За то серебро, что ты получишь от меня за службу, тебе придется побегать.

– Мы, Медведи, бегать не любим, – проворчал Свартхёвди. – Хотя и умеем.

– Да, – согласился Хрёрек. – Вы любите есть и спать.

– Не только это, – возразил Медвежонок. – Еще мы любим убивать! Верно, брат?

– Лично я убивать не люблю, – заявил я. – Хотя и умею. Если вы обсудили важное, то можно перейти и к пустякам. Ты хочешь купить у нас рабов, князь. Я понял. Но это не всё, верно?

– Да. Не всё. С этими рабами поговорят мои люди. Если окажется, что воины Водимира увели их с ближайших земель, где раньше они были свободными, то я верну им свободу. И дам землю в аренду. Но с условием: они станут моими данниками.

– Что ж, это лучше, чем быть бесправным трэлем в чужом доме, – одобрил Медвежонок. – Но кто помешает хирдманам Водимира снова увести их и продать? Теперь уже – с твоей земли?

– Вы, – ответил князь.

Глава 7

Старый должок

Немного поразмыслив, я решил, что к месту назначения мы пойдем пешком, минуя город Водимира. Я не хотел раньше времени оказаться на подконтрольной противнику территории. Я договорился с Хрёреком, что его люди подбросят нас вверх по Волхову до нужного места и помогут с лошадьми. Тащить на горбу провизию для себя и наших подопечных я не собирался.

Как только из княжьей казны нам были выделены деньги на закупку провизии и прочие расходы, мы всей толпой отправились на местный рынок.

Курировали торговые ряды люди Гостомысла, однако к нам они отнеслись с подчеркнутым уважением. Маленькие трения между нами были улажены, когда на следующий день после совместной княжьей пирушки я не поленился навестить Бобрёнка. Того уже просветили, насколько я крут, и когда я сделал ему маленький презент, отделанный серебром рог, Бобрёнок был польщен. И отдался, как положено – то есть штуковиной подороже, – луком явно неместной работы в чехле из красного сафьяна. Красный налуч – это понты, годные исключительно для парадного выхода, но сам лук был хорош. За такой в Роскилле предложили бы марку серебром как минимум.

Впрочем, сам факт посещения мной, вождем нурманов, как нас здесь называли, такого сосунка, как Бобрёнок, поднимал авторитет последнего сразу на несколько пунктов. А денежки у паренька водились. Его тесть Бобр – местный олигарх. И не просто купчина первой руки, а бывалый вояка и чуть ли не правая рука самого Гостомысла.

Рынок в Ладог-Альдейге – огромный. Ничуть не меньше, чем в Роскилле. А вот цены куда скромнее. Основная местная «монета» – цветные стеклянные бусины, которые отливают тут же, во дворе Гостомысла. За горсть таких бусин можно купить связку беличьих или куньих шкурок, стоящих у нас никак не меньше десяти-двадцати граммов плавленного серебра. Впрочем, за серебро тоже продавали. И намного охотнее. Но платили им – редко. Местная система была довольно-таки грабительская. Люди Гостомысла меняли товары местных жителей на бусины и продавали за реальные деньги, всячески препятствуя прямой торговле и не подпуская импортных купцов к производителям.

Однако мы были уже местные и нам было можно.

Медвежонок решил не торопиться. Он резонно предположил, что в глубинке цены еще ниже, а при случае можно и бесплатно взять. А ведь мы как раз в глубинку и собирались. Так что провиант – исключительно на ближайшее время.

Так, а это еще что за скопление народа? И почему такой смущенный вид у парочки местных стражников?

– Пойдем-ка глянем, брат, – предложил я Медвежонку, и мы всей толпой отправились поглядеть, что там за представление. Может, скоморохи пляшут или еще какое диво?

Нет, не скоморохи. В центре толпы – плечистый мужик в качественном воинском прикиде.

Вещает громко, поза важная, смотрится солидно. Куда солиднее Гостомысловых отроков, коим вверено поддержание порядка на рынке. Кольчужка у мужика вороненая, пояс с золотыми бляшками, красный камешек на оголовье меча.

Ба! А ведь знакомое личико! И прикид тоже знакомый. Сколько лет прошло, а помню эту сволочь.

Я смотрел на наглую рожу с заплетенными в косички усами и понемногу зверел. Именно эта гадина два года назад отвела меня к своему князю, где меня форменным образом ограбили.

Что интересно: в то время мне казалось – мужик действительно крут. А теперь вижу – понты. Кольчужка, вороненая для понту, в один слой и плетение не ахти. Меч с гранатом на изголовье, но уже по рукояти видно: местного производства. Гривна на шее – серебряная, а не золотая, как у меня. А браслетов желтого металла, по которым враз опознается в этом мире серьезный человек, и вовсе ни одного.

Но вещает важно, и простой народ, в большинстве Гостомысловы данники, внимает почтительно.

– Ты чего? – поинтересовался Свартхёвди.

– Знакомого встретил, – процедил я. – Схожу поздороваюсь.

Подошел. Со спины. Остановился. Косичкоусый меня заметил боковым, но не отреагировал. Ну, еще один нурман, эка невидаль. И продолжал окучивать мирян. Смысл речи: подрыв ладожской экономики. Мол, здесь не торговля, а чистый отстой. Ни цен правильных, ни товаров стоящих. Другое дело, если князю Водимиру шкурки сдавать. Вот там и цена настоящая, и деньги настоящие, а не глупые бусины.

В чистом виде вражья агитация против действующей власти.

Интересно, почему стражники не вмешиваются? Боятся или покуплены?

Нет, насчет бусин, которые ладожские купцы народу вместо доброго серебра впаривают, он, конечно, прав. Но ведь не заставляет никто. Не хочешь – не бери. И за эти же бусины можно здесь и утварь купить, и железки полезные для сельского хозяйства.

А этот гад Водимиров, выходит, приперся к нам на торг клиентов отбивать и за свободу проповедовать. И это при том, что его коллеги по военной партии вообще свободных в рабов превращают.

Я легонько похлопал косичкоусого по железному плечу.

Водимиров гридень обернулся, глянул надменно...

– Что надо, нурман?

Спокойно спросил. Без наезда. Разбирается, однако. Прочитал, небось, по моей одежке и происхождение, и социальный статус.

– Узнаешь меня?

Задумался. Даже лоб наморщил... Нет, не получается. Ладно, подскажем.

– Прошлой осенью ты привел меня к своему князю. Ну, вспомнил?

Ага, есть проблеск сознания... И сразу наглая такая ухмылочка:

– Ешь ты опарыш! Голожопый вояка!

Зря он это сказал. Дурак.

Смерды дунули в разные стороны, а косичкоусый мешком осел на землю.

В рукопашке я – не очень. Но в челюсть пробить с такой дистанции – никаких проблем. Эх он легко вырубился! Двинь я так тому же Медвежонку, он бы даже не поплыл.

– Что он тебе сказал? – на этот раз проявил любопытство Стюрмир.

– Сказал, что я – голожопый воин, – честно перевел я.

Стюрмир поглядел на вырубленного с уважением.

– Храбрец! Что теперь, убьешь его?

– Пока воздержусь. Он – из хирда ярла Водимира.

Ага! А косичкоусый у нас не один, оказывается. Имеется и группа прикрытия. Аж два полноразмерных бойца на выручку кинулись. Теперь понятно, почему Гостомысловы отроки пропаганду не пресекали. Эти-то покруче будут.

Были. До тех пор, пока на моих не наткнулись.

Вот так-то. Зубки щерят, но в драку не лезут. Очко-то – не казенное, свое.

– Ярла Водимира? Того самого, что когда-то у тебя оружие и доспех отнял? – уточнил Стюрмир.

Память у викингов – идеальная.

– Этот меня к Водимиру и привел, – сказал я, легонько пихнув косичкоусого ногой. Тот пришел в себя, завозился...

– А что за история? – поинтересовался Гуннар Гагара.

– Грустная, – ответил я. – Два года назад привели меня во двор к местному князю и отняли все, что на мне было. Ну и что в кошеле было, тоже.

– Это же настоящий разбой! – воскликнул Гуннар. – И ты отдал?

– А что делать, если тебя дюжина лучников на прицеле держит?

– Я бы дрался! – заявил Стюрмир.

– Ну и убили бы тебя. И всё равно добро забрали. Разве что кольчугу им потом чинить бы пришлось, а так – то же самое.

– Кабы меня убили, Хрёрек потом этого ярла в землю по самую жопу вбил! – рыкнул Стюрмир. – Головой вниз!

– То – тебя, а я тогда один был. Мстить некому было, – напомнил я. – Так что я выбрал жизнь, дружище. Живой, он может вернуться и отомстить, а вот мертвый – вряд ли.

– Разумно, – одобрил Гагара. – А что с этим делать будем? – Он тоже пихнул ногой косичкоусого, который как раз начал подавать признаки жизни: попытался встать на четвереньки. Знатно я его всё же нокаутировал. Сам не ожидал.

– Для начала разоружим, – я наклонился и избавил Водиминова дружинника от боевого пояса. – Скиди, Вихорёк, избавьте птичку от пестрых перышек. Приподними-ка его, Хавур...

Через несколько минут косичкоусый стоял перед нами голый, как лягушка, если не считать волосяного покрова и татушек.

Группа прикрытия только глазками сверкала. Препятствовать не смела. У них на пути стояли Хавгрим, Стюрмир и Свартхёвди. С оч-чень характерными выражениями лиц.

Один Водимиров опричник, правда, кинулся к стражникам и принялся на них орать...

Но те только ухмылялись и плечами пожимали. Мол, сами разбирайтесь. Вы крутые, а мы – люди подневольные. Никого ж не убили, правда?

Да, так и есть. Косичкоусого не убили. Но было ему неудобно. Как физически, так и морально. Любому почувствовал бы себя не в своей тарелке, оказавшись голышом в общественном месте. Особенно, когда рядом – вооруженные до зубов громилы, одного из которых ты когда-то ограбил и унизил. Причем публично.

Публики между тем прибавилось. Но вмешиваться никто не собирался. Это ж кем надо быть, чтобы попытаться воспрепятствовать произволу вооруженных викингов, да еще из дружины княжьего зятя? Отвечу: полным кретином надо быть.

– Ты что творишь, нурман? – прорычал голожопый агитатор за свободу торговли.

– Должок возвращаю, – я улыбнулся. – Помнишь, князь твой добро мое отнял?

– Водимир – в своем праве был!

– Ага, – согласился я. – Право силы называется. А теперь я – в своем праве.

– Я пойду к Гостомыслу! – заявил косичкоусый, стараясь держаться с достоинством.

– К Гостомыслу он собирается, жаловаться, – сообщил я друзьям.

Викинги дружно заржали. Даже в толпе кое-кто захихикал.

– Боюсь, не получится, – вздохнул я. – Такого голожопого вояку Гостомыслова дворня метлами прочь погонит.

– Отдай мне мое! – Косичкоусый рванул к кучке своего добра, но запнулся о ногу Скиди и шмякнулся оземь. Руки, правда, успел подставить (воин всё-таки), встать я ему не позволил. Наступил на загривок.

– Твои здесь только вши у тебя в лобковой шерсти, – произнес я ласково. – Тебе повезло, голожопый. Сегодня я добрый. Так что – беги, – я убрал ногу. – И беги быстро! Или, может, ты сначала хочешь дерьма поесть? – Я показал носком сапога на подсохшую кучку экскрементов в метре от гриднева носа.

Косичкоусый вскочил на ноги. Глаза его метали молнии. Это радовало. Во всяком случае он – не трус. Значит, запомнит, вернется и даст мне повод еще разок вывалить себя в дерьме.

Неизвестно, что бы еще заявил Водимиров дружинник, но тут Свартхёвди достал нож.

– Ульф, можно я ему детородные органы отрежу? – спросил он, хищно улыбаясь. – Тот, кто ограбил моего брата, не должен оставить потомства.

Шутка. Или – не шутка.

– Дети у тебя есть? – спросил я голожопого. – А то мой брат хочет тебе срам отрезать. На память.

Косичкоусый поглядел на Медвежонка. И ничуть не усомнился в серьезности его намерений.

– Беги! – посоветовал я. – Если он тебя схватит, попрощайся с яйцами.

Ух он и дернул! Быстрее, чем я когда-то удирал от отроков Водимира. Группа поддержки припустила следом, но сразу отстала. Косичкоусый мчал налегке, и стимул для бега у него серьезный.

– Трус, – презрительно заявил Скиди.

– А что б ты сделал на его месте? – спросил Тови Тюлень.

– Забрал бы у тебя, увальня, меч и дрался!

– И убили бы тебя враз!

– Зато умер бы как воин, а не улепетывал, как трэль! – Скиди щелкнул дренга по носу.

– Весело было, – резюмировал Свартхёвди. – Забирай свое добро, Ульф, и пошли пиво пить.

– А припасы? – спросил я.

– Скиди купит.

– Так он по-здешнему не говорит.

– Виги говорит. Пошли, брат. Харра место показал, где доброе пиво варят. Почти как наше.

Глава 8

Прочь из Ладоги!

Бочонок пива нам поставили – от заведения. Хозяин харчевни был когда-то обижен людьми Водимира и очень сожалел, что не видел, как Водимиров десятник сверкал голой задницей.

И судя по реакции других посетителей, Водимира и его присных здесь не жалуют. Так почему же терпят?

Скоро я узнал, почему. Сам Гостомысл мне поведал.

– Зачем ты приказал своему человеку это сделать? – заявил князь Хрёреку. – Такого Задорей не простит. И его князь – тоже.

Задорей. Надо же. Хотя... Задорей Голожопый. А что? Звучит.

Последнюю фразу я произнес вслух.

Заржали не только наши, но и бойцы, сопровождавшие Гостомысла.

– Он шутит! – сердито мотнул в мою сторону головой Гостомысл. И уже мне: – А знаешь ли ты, Ульф Свити, что у твоего князя нынче лишь пять десятков воинов, не считая тех, что привел ты. И у меня – под сотню. А у Водимира – одной лишь личной дружины три большие сотни. И у его союзников – вдвое от того.

Ого! Приличное войско по здешним меркам.

– Зато воины очень храбрые. И проворные. Особенно с голой жопой, – заявил я, вызвав очередной взрыв смеха. – Видят боги: я так испуган. Гляди, князь, как у меня руки трясутся!

Народ опять заржал.

– Да уж! Славно ты его победил! – желчно процедил Гостомысл. – Сколько вас было? Десять? А он – один!

– Их было трое, – уточнил Свартхёвди. – И он оскорбил моего брата. А брат мой, как всегда, проявил неуместную доброту. Если бы Голожопый оскорбил меня, я бы его убил. И тех двоих. И стало бы у Водимира-конунга на трех людей меньше. Что в этом плохого?

– А если он придет сюда? – воскликнул Гостомысл. – Что ты тогда скажешь?

– Я говорить не буду, – Медвежонок потянулся, хрустнув суставами. – Я буду убивать.

– Их три больших сотни, а то и больше!

– Ну и что? – удивился Свартхёвди. – Ты слышал вчера, что о нас пел скальд? Так вот знай: скальды обычно привирают, но на этот раз он пел чистую правду. Нам не впервой драться малым числом против целого хирда. И посмотри на меня, конунг: что ты видишь? – Свартхёвди подбоченился.

– Я вижу того, кто ищет смерти! – заявил Гостомысл. – Так вот – я ее не ищу! И я должен защищать своих людей, дан! Всех! Смердов, женщин, детей! Ты не понимаешь!

– Это ты не понимаешь, конунг. – Свартхёвди поскреб грудь. – Я не ищу смерти. Я и есть смерть.

Хавгрим Палица одобрительно хмыкнул. Но Гостомысл не впечатлился:

– Рюрик! Что ты молчишь? Это твой человек!

– Мой, – согласился Хрёрек. – И я думаю: он прав. Водимира надо остановить. Сам же видишь, отец, Водимир с каждым годом становится сильнее. А когда он достроит свой новый град, то никто больше не сможет пройти мимо него в южные земли. И что тогда будет с нашей Ладогой, если без разрешения Водимира никто не сможет ходить туда, где можно продавать дорожке, а покупать – дешевле? И вспомни, что рассказал вчера Ульф Свити. Люди Водимира примучивают новых данников. И скоро доберутся до наших. Меря и чудь, дикие племена, которые раньше платили дань тебе... Думаешь, осенью они снова принесут тебе шкурки и рыбью кость?

– Принесут. А если нет, то твои варяги их заставят!

– Моих варягов сорок человек, – сказал Хрёрек. – И настоящих воинов, таких, как он, – кивок на Медвежонка, – среди них не больше десятка. Остальные тоже станут добрыми дружинниками, но не сегодня. И не в этом году.

– И ты, выходит, считаешь, что мы справимся с Водимиром, если он осерчает?

– А зачем ему сердать? – удивился Хрёрек. – Это он становится сильнее, а не мы с тобой. Ему достаточно достроить свой город и немного подождать. Год-два... И ты, Гостомysl, придешь и поклонись ему в ноги. Без всякой брани.

– Тому не бывать! – отрезал князь.

– Значит, это придется сделать мне, как младшему среди нас, – спокойно произнес Хрёрек. – Иначе он заберет нашу Ладогу и посадит своего сына в твоём тереме.

Я изумленно глядел на Хрёрека! Он – и вдруг такие слова!

– Что ты предлагаешь? Позвать твоих родичей-данов, как я позвал тебя?

– Мои родичи-даны не придут, – сказал Хрёрек. – А если придут, то это будут такие родичи, что похуже Водимира.

Уж точно! Я бы предпочел сразиться с дюжиной Водимиров, чем с любым из Рагнарсонов.

– Собирай дружину, где хочешь, Рюрик! – заявил Гостомysl. – Нужны деньги – я дам. Но поторопись. Сам сказал: у нас есть два года, вот и не теряй времени. И не задирай людей Водимира, иначе он придет и сделает то, чем ты меня пугал, прямо сейчас.

Развернулся и ушел.

Хрёрек вздохнул.

– Старееет князь, – пробормотал он по-скандинавски. – Когда уходит сила, приходит страх. Уж я-то знаю.

– Прости, конунг, я не подумал, когда поучил этого... Задорей.

– Ты всё правильно сделал. Вот если бы ты его убил, тогда худо. Но ты его опозорил. И его самого, и его князя. Люди, которые это видели, разъедутся по домам и станут рассказывать, как старший гридень Водимира удирал с рынка с голой задницей. Может, они и не рискнут смеяться ему в лицо, но за спиной точно будут хихикать. Смех убивает славу не хуже меча. Я рад, что ты здесь, Ульф Свити! Но я хочу, чтобы ты не тянул с отправлением. Не знаю, может, Задорей... хм... Голожопый не захочет жить с такой обидой, а захочет вызвать тебя на хольмганг...

– Отлично! – одобрил я. – Тогда он умрет.

– Ульф, ты меня не понял. Мне не нужен мертвый Задорей. Мне нужен человек Водимира, который удирал не только без оружия, но и без штанов при всем честном народе. Так что собирайся, хёвдинг, и убирайся из Ладogi. Если тебе что-то нужно для похода, возьмишь из моих кладовых. Я скажу Светозаре, чтоб выдала потребное твоему человеку. Медвежонку, да? И велю Харре подготовить насады и лошадей из моей конюшни. Но чтоб после захода солнца ты уже был в пяти милях от Альдейгьи!

– Буду, – обещал я. – А теперь скажи: что я должен делать там, куда иду?

– А то ты сам не знаешь? – удивился Хрёрек. – Раньше там была свободная земля, а теперь – оброчная Водимиру. Я хочу, чтобы эта земля снова стала свободной.

– То есть убить всех, кто Водимиров? – уточнил я.

– Можно и убить, – кивнул Хрёрек. – Тех, кто с оружием. А смердов зачем убивать? Кто будет тогда нам дань платить? Однако зря не рискуй. Ты мне живой нужен. И хирдманы твои – тоже. Если врагов больше, не нападайте. А то знаю я берсерков! Как перекинутся, так им и сотня хускарлов – нипочем. А ты ведь и сам знаешь: убивают и берсерков.

Конечно, знаю. Сам убивал.

И еще один нюанс:

– Скажи мне, конунг, ты хочешь, чтобы Водимир знал, что его людей убили по твоему приказу? Или пусть сам решает, кто его обидел?

Хрёрек задумался. Серьезный вопрос. Готов ли он не просто показать силу, но и дать понять, что это именно его сила? Ответ может быть жестким.

– Он и так узнает, что это я, – наконец произнес Хрёрек. – Больше никому.

Логично. Есть, конечно, и другие города, другие вожди. Полоцк. Смоленск. Но это зона интересов Ладоги. И Водимира. Открытое нападение требует реакции. Иначе можно потерять авторитет. А догадки, пусть даже обоснованные, можно оставить без немедленного ответа.

Хочет ли Хрёрек спровоцировать недруга?

Нет, не хочет.

– Постарайся не оставить следов, – неохотно проговорил он. – Следов, которые ведут сюда.

Ладно, есть у меня одна идея, как направить ищеек на ложный след. Хрёрек – не единственный дан в этом мире. Ладно, поразмыслим на эту тему позже.

– Проводники тебе нужны? – спросил князь.

– Квашака с Быськой возьму, – отказался я. – Они местные. И сам там проходил, кое-что помню.

Правда, в те времена бойцов Водимира там не было.

– Как знаешь. Береги себя, Ульф, на железо грудью не лезь!

– Постараюсь.

Душевным, однако, стал мой конунг. Раньше за ним такой заботы не замечалось. Интересно, это ранение на нем так сказалось или недостаток людей, на которых можно положиться? А может, я не прав, и эта трогательная забота исключительно обо мне?

Ладно, разберемся со временем. Интересно, что же у них там случилось, у берегов Фризии? И как им всё же удалось спереть драккар прямо из-под носа Сигурда Рагнарсона? Ну да узнаю когда-нибудь. Варяги расскажут. А сейчас время не ждет. Рейд по тылам противника – это не по рынку шастать. Продумать хотя бы предварительный план было бы неплохо. Но для этого надо знать хотя бы дислокацию противника. Можно предположить, что у Водимира есть где-нибудь на озере опорный пункт с небольшим гарнизоном. И вряд ли там больше двух десятков бойцов, потому что со стратегической точки зрения озеро, на котором жил Коваль, просто озеро, и не более. Правда, из него вытекает река, которая впадает в Волхов, а реки и здесь – главные транспортные артерии. Но мало ли здесь озер, из которых что-то вытекает? Вспомнить ту же Карелию или Финляндию, так там озер больше, чем твердых земель. Короче, задача проста. Найти и уничтожить. Как раз то, что моя братва умеет делать лучше всего. Зачистить и пустить слушок, будто мы – это не мы, а совсем другие нехорошие дяденьки.

* * *

Задорей не смог жить с уязвленной честью и уже на следующее утро пришел к Рюрику и потребовал удовлетворения в честном поединке.

И получил ответ: не сегодня.

Обидчик Задорея вчера покинул Ладогу, вполне дружелюбно сообщил князь оскорбленному гридню. И добавил, что ему искренне жаль, что с таким уважаемым человеком (тут князь сделал вид, что пытается спрятать улыбку) обошлись столь неуважительно, но ведь до пролития крови не дошло, верно? Хотя Задорею тоже стоит быть поосторожнее. Среди друзей Ульфа Свити – два берсерка. Знает ли Задорей, кто такие – берсерки? Не знает? Ну, значит, ему повезло. Это ужасные чудовища. Стоит их раздражить, и они превращаются в бешеных медведей, да еще с оружием в лапах. Вдобавок железо их не берет.

Эти звери могли бы разорвать Задорея на куски и сожрать. И что бы тогда делали он, Рюрик, с князем Гостомыслом? Как бы объяснили уважаемому Водимиру гибель его доверенного человека? Но, слава богам, теперь всё хорошо. Он, Рюрик, уже выкупил у Ульфа Свити отнятое имущество Задорея и отправил с верным человеком князю Водимиру. С подобающими извинениями и заверением, что никакой вражды со стороны правителей Ладоги к правителю Старого и Нового градов нет.

Задорей едва не впал в буйство. Его не просто опозорили, но отправили доказательства позора его князю. И никаких сомнений, это нурман Рюрик, ешь его опарыш, сделал это умышленно. И обидчиков отослал тоже он. Чтобы Задорей не смог смыть обиду своей или чужой кровью.

Оскорбленный Задорей поступил невежливо. Молча развернулся и...

И услышал за спиной, как кто-то негромко, но вполне отчетливо произнес:

– Голожопый.

Задорей обернулся так быстро, что усы-косички хлестнули его по щеке, цапнул рукой... но меча на поясе не было, только топор. Меч, по словам нурмана, отправился к Водимиру.

Дружинники Рюрика ухмылялись, и сам проклятый нурман тоже кривил губы в улыбке. Говорят, что он едва не сдох от ран и даже на ложе с молодой женой смог возлечь только прошлой зимой. По этому поводу в дружине Водимира шутили много и обидно. Особенно изощрялся воевода Турбой, который, как говорили, сам к Светозаре сватался еще до Рюрика, но получил от Гостомысла от ворот поворот. Ничего! Дай срок, князь Рюрик, и мы вышибем тебя из Ладоги! Вот тогда и поухмыляешься!

«Чтоб тебе не оставить потомства!» – пожелал князю-нурману Задорей. Молча пожелал. Что бы он сейчас ни сказал, это только подчеркнет его позор. Впору на меч броситься, но ни меча у него нет, ни денег, чтобы купить новый. Всё забрал этот...

Знать бы заранее, как выйдет, Задорей не потащил бы тогда гадину к князю, собственноручно зарубил бы его. На месте. И сейчас зарубил бы, но сбежал,

гаденыш! Струсил!

– Твой человек вернется! И тогда я возьму его кровь! – нашел наконец подходящие слова Задорей.

– Это боги решат, – спокойно ответил дан. – Я не стану препятствовать вашему поединку.

На этот раз Задорей всё же поклонился. Даже нет, не поклонился: кивнул, как равному. И снова его догнали на пороге чужие слова, сказанные уже в полный голос:

– Напугал ежа голой жопой!

И громкий хохот. В спину. Потому что обернуться – значит принять новые оскорбления, на которые невозможно ответить достойно.

Задорей выбежал из терема сопровителя Ладоги, сгорая от стыда и неутоленной ярости. Это было еще омерзительнее, чем когда он бежал с рынка. Тогда страх заглушил стыд, но сейчас страха не было. Вернее, был. Страх погибнуть неотмщенным.

Глава 9

Возвращение к исходному

Четыре с лишним года назад я появился в этом удивительном мире, голый, как новорожденный, и не ведая, куда попал.

За эти годы я пережил больше, чем за всю прежнюю жизнь в цивилизованной эпохе. Я выжил в мире, где смерть – причем насильственная смерть – это обыденность. Для этого мне пришлось научиться убивать лучше тех, кто хотел убить меня. Я пришел в этот мир из жизни, в которой был довольно одинок. Теперь рядом друзья, готовые драться и убивать за меня. Так же, как я – за них. И здесь это не просто оборот речи.

Я здорово изменился за эти годы. Теперь я видел, чувствовал окружающий мир совсем по-другому. Я читал следы зверей и людей, и не просто читал, но привычно вычленил из множества порождаемых жизнью звуков и теней полезные и опасные. Обнаружив в чаще просвет, я больше не тянулся к солнечному местечку, а прежде всего изучал противоположную опушку на предмет засады, и пенье птиц перестало быть звуковой дорожкой летнего леса, а превратилось в индикатор наличия или отсутствия опасности.

Вел нас Квашак. Он прожил здесь всю жизнь, знал тайные тропы, по которым можно и самим пройти, и лошадок провести. Знал и укромные места, где можно встать на ночь.

Тем не менее мы были предельно осторожны. Впереди обязательно пара дозорных. Викинги в таких делах – мастера. Их не видит никто, зато они видят всё сквозь любые заросли.

Часть пути мы срезали, пересекая топи по известным Квашаку проходам, зато удобные для жизни и движения места на всякий случай огибали, чтобы не обнаружить себя прежде времени. Не то чтобы я опасался наткнуться на врага... С врагом как раз просто, хотя, когда у противника вдруг пропадают люди, особенно оружные люди, он начинает беспокоиться. Психологически сложнее с мирными гражданами. Очень не хотелось, чтобы поползли слухи о том, что в окрестностях появился большой вооруженный отряд. А убивать всех встречных подчистую – не мой стиль. Тем более что и Хрёрек рекомендовал щадить потенциальных данников. Как знать: может, это моя будущая вотчина?

А неплохо было бы, кстати. Леса, полные дичи и отличной древесины, озера, столь же обильные рыбой, как здешние чащи – зверьем... Да, здесь было где развернуться. Особенно если сравнить с Данией, где каждая роща, да что там роща, каждый квадратный метр земли непременно имел хозяина. А здесь – свобода! И здесь мне было как-то по-особому хорошо. Может, потому что и впрямь – земля предков. Родина.

Вывел нас Квашак практически идеально – на хутор своего отца.

Опаньки! А здесь, оказывается, жизнь кипит.

– Всем ждать! – распорядился я. – Идем вчетвером: Я, Скиди, Вихорёк и Квашак. И еще Быська, – добавил я, подумав. Присутствие женщины, причем женщины явно свободной и мирной, – успокаивает. А это хорошо в любом случае. Опаски у людей меньше, так что и договариваться легче, и напасть внезапно – тоже.

Новые жители появлению нашей команды, мягко говоря, удивились. И испугались, понятное дело.

– Кто такие? – рявкнул я, надвигаясь на чернобородого мужика, который пятился в ужасе, пока не уперся спиной в поленницу.

Крупный мужик, повыше меня и пошире. Плечищи – как у Квашака. Тоже, небось, кузнец. Однако человек, который умеет ковать железо, не станет противиться тому, кто умеет этим железом убивать. А по мне сразу понятно: воин. Причем воин элитный. И доспехи дорогие, и меч на поясе. А меч – это такая штука, по которой воин и опознается. Топором можно валить лес, с копьем – охотиться, а меч – исключительно чтобы убивать. Людей.

Так что здоровяк только глянул – и сразу врубился: он и его домочадцы – в полной моей власти.

И естественно, что вопрос «Кто такие?» задал не он, живущий здесь, а гость незванный и страшный.

– Князя Водимира рядные[7 - Рядный холоп значит холоп по договору, в котором опеределены его обязанности по отношению к хозяину и наоборот. Этим он и отличается от холопа обельного, то есть полного, который просто раб.] холопы, – пробормотал мужик, вжимаясь в поленницу широченной спиной.

Кто-то из детишек заплакал, но тут же умолк. Видимо, рот закрыли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Гунгнир – копье главного бога скандинавского пантеона Одина.

2

Фрейр – бог плодородия. Как и положено богу этого профиля, отличался размерами соответствующего органа.

3

Эйрир – одна восьмая часть марки, которая в описываемое время составляла где-то 220–230 гр. То есть эйрир – это около тридцати граммов. Плавленный отличался от бледного качеством серебра. И стоил раза в два больше.

4

Мутная – это река Волхов.

5

Кристалл исландского шпата. За счет особой оптической структуры позволяет определить местонахождение солнца даже в пасмурном небе.

6

Нагльфар – корабль из ногтей мертвецов. До Рагнарека данное плавсредство хранится в царстве мертвых.

7

Рядный холоп значит холоп по договору, в котором опеределены его обязанности по отношению к хозяину и наоборот. Этим он и отличается от холопа обельного, то есть полного, который просто раб.

Купить: <https://tellnovel.com/aleksandr-mazin/zemlya-predkov>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)